

ФОНД А.

КОНТОРЩИЦА

К Н И Г А

1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фонд А. Конторщица

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69290092
SelfPub; 2023*

Аннотация

Попаданка во времена брежневского застоя, где женщина не только хранительница очага, но и активный строитель коммунизма. Директор по управлению персоналом крупной корпорации попадает в тело конторского работника депо «Монорельс». И вот с такими невнятными исходными данными нужно что-то делать дальше.

Содержание

Очень небольшое введение	4
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	52
Глава 4	75
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Фонд А.

Конторщица

Очень небольшое введение

– Как же я обожаю такие вот мгновения счастья! – подставляя лицо утреннему солнцу, я с удовольствием затянулась первой утренней сигаретой. – Море, солнце, пальмы и никакой работы!

– Держи, счастливая отпускница, – протянул мне чашку с кофейным ликером Жорка.

Вот уже пять лет был у нас особый «свой» ритуал – во время отпусков на всяких там Сейшелах, Гавайях, и прочих Доминиканах, каждое утро, только поднявшись с постели, выйти на балкон, выкурить первую, самую вкусную, «фэншуйную» сигаретку и, медленно-медленно потягивая кофейный ликер, смотреть на море...

– Спасибо, дружище... – отсалютовала я чашкой.

– Ирусь, мы сегодня на дайвинг, ты помнишь? – допив ликер, Жора затушил сигарету и зарылся в мои волосы. – Ты не против, если я первый в душ?

– Давай, – улыбнулась я. – А я пока докурю.

Да, мы с Жоркой любовники. Как-то так вот все получилось. Внезапно, непредвиденно и неправильно. Собственно,

и он и я – взрослые, самодостаточные, давно состоявшиеся люди. Я работаю директором по управлению персоналом в корпорации брендовых аксессуаров, Жорка – профессор, неплохо так кормится с международных грантов. У каждого – своя семья, дети. Тут уж ничего не поделаешь. Но не рушить же жизнь своих близких, если в наших седых жопах вдруг заиграла любовь. Иногда так бывает – любовь догнала, настигла и причинила взаимность. И теперь мы, как семиклассники, держимся за ручки, млеем и краснеем, глядя друг на друга. И так уже пять лет подряд. Пять лет периодических встреч тайком, сердечной боли, и вот таких вот «украденных» у семей отпусков, когда только море, солнце и мы с Жоркой... вдвоем...

– Иришка, я всё!

Я взглянула на кусты магнолий на фоне ослепительно синего моря и встала с кресла... внезапно мир завертелся, завертелся и наступила темнота...

«Это расплата...» – только и успела подумать я...

Глава 1

– Лидия Степановна, вы слышите меня? – скрипучий монотонный голос назойливо бубнил где-то рядом.

Я с трудом разлепила глаза. Лучше бы я этого не делала. Боль жახнула где-то в затылке, перед глазами все плыло.

– Лидия Степановна, что с вами? Вам плохо? – голос продолжал нудно вгрызаться в мой мозг. С трудом сфокусировав расплывающийся взгляд, я присмотрелась: передо мной стоял невнятный мужичок в очечках с толстыми стеклами. Одной рукой он удерживал распухшую папку, а другой тряс меня за плечо.

– Лидия Степановна... – опять завелся неугомонный мужичок.

– Хмааа..? – прохрипела я.

– Ох, Лидия Степановна, напугали вы меня. – Обрадовался мужичок. – Я штатное принес, смотрю, а вы тут...

– Гыыыхм... – я схватилась за горло. – Ччто?

– Штатное, говорю, принес. На шестой вагоноремонтный участок. – Мужичок осторожно пристроил папку передо мной на столе и бочком начал пробираться к выходу, – до понедельника нужно. В трех экземплярах...

Хлопнула дверь, а я вместо номера пятизвездочного отеля вдруг обнаружила ободранную штукатурку узкого чулана. Но рассмотреть я не успела: дверь опять хлопнула и в нее

просунулась женская голова в сером мохеровом берете:

– Горшкова, подпиши!

Передо мной опустился листок желтоватой писчей бумаги.

Я машинально всмотрелась – список фамилий и подписи, текста не было.

– Что это? – подписывать непонятные документы я никогда не буду.

– Ой, не выделяйся, – женщина ворвалась в комнату и нависла надо мной. – Подписывай, давай!

– Еще раз повторю, что это такое?

– Ты что, совсем, Горшкова? – от удивления густо намазанные тушью ресницы захлопали и несколько комочков отвалились. – Все подписывают, и ты это подпиши.

– Это – что? – ситуация начинала раздражать. – Сбор средств голодающим детям Африки? Поздравления с днем влюбленных? Что именно?

– Детям Африки мы еще на прошлом месяце средства отправили, – поджала губы женщина. – А этим влюбленным не поздравления, а порицание от коллектива собираем. Товарищеское собрание завтра в восемь. Ох, и пропесочим их!

Окончательно впав в ступор, я машинально черкнула на листочке какую-то загогулину, и женщина облегченно упорхнула.

Это что же получается? Я осмотрела кабинет. Дичь какая-то. Да, все-таки это не чулан, а кабинет. Донельзя убо-

гий, со вздутой побелкой кое-где под потолком и вековым массивным письменным столом. Два крашенных унылой темно-синей краской шкафа с бумагами занимали почти все пространство. Напротив – узкое оконце.

Как они меня называли? Горшкова... как там? Петровна? Нет – Степановна вроде. И имя-то какое – Лидия. Горшкова Лидия Степановна, стало быть. Почему-то стало весело. Я много читала о попаданцах, эта тема была модной, особенно среди молодежи. А в департаменте по управлению персоналом, который я возглавляю вот уже пятнадцать лет, молодежи было достаточно. Точнее возглавляла. Или как? Я ущипнула себя за ладонь – таки да, не бред и не галлюцинации. Я действительно попала в другую реальность.

Попаданка, блин.

Неожиданно стало так смешно, что я вся зашлась в хохоте. Аж слезы брызнули. Чтобы остановить истерику, резко вдохнула-выдохнула, встала и подошла к окну. Оно выходило во внутренний двор, где несколько голых ясеней, большая куча песка и грузовая машина давно устаревшей модели пейзаж не украшали. Взгляд сместился в сторону, и тут на стене я увидела зеркало.

Но лучше бы я его не видела!

На меня смотрело юное, донельзя щекастое и курносое лицо, с пуговичными глазками неопределенного цвета. Выщипанные бровки и по-бараньи мелкие пергидрольные кудряшки, сколотые пластмассовой заколкой в виде гипертро-

фирированной лиловой рыбки, доби́ли оконча́тельно. Так что на невеликий рост и короткие толстые ножки почти не обратила внимания.

Вот так вот.

Я посмотрела на неизбалованные кремом и маникюром ручки и обнаружила кольцо. Обручальное.

Опа! Так мы, выходит, замужем. Интересненько. Оказывается, в этом мире есть ценители и таких вот кудряшек. Блин, и что теперь делать? Мысли заметались в разные стороны. Спать с каким-то посторонним дядькой не буду. Хоть убей – не буду! Что же делать, блиин? Что делать, что делать – разводиться! Судя по всему, это не средневековье, и здесь люди, а не эльфы, или, не к ночи будь помянуты, котики.

Я несколько раз глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться.

Так, теперь нужно разобраться, куда именно я попала, и где я живу. Беглый осмотр россыпи бумаг на столе показал, что я попала ни много ни мало – в 1980 год. А на дворе было 1 апреля. Обхохочешься, мать его!

Торопливое исследование содержимого дерматиновой сумочки с облезлыми ручками особой ясности не принесло: в кошельке нашлась трешка, советская, и немного мелочи. Тюбик с помадой, ради интереса раскрутила, помада светло-морковного цвета (кто бы удивлялся!) почти закончилась, и Горшкова Лидия Степановна выковыривала ее оттуда спичкой. Рачительная девица, чего уж там. Еще обнаружилась пластмассовая расческа с мелкими зубчиками (инте-

ресно, и как этим расчесывать кудри?), катушка черных ниток с иголкой (рукодельница?), носовой платок, скрученная авоська (капец!), упаковка ваты (вот нафига?), металлический значок с чебурашкой (родовой тотем? ха-ха), сморщенное яблоко, связка ключей, подтаявшая карамелька «Клубничная», и бинго! – я нашла две мятые погашенные квитанции (ура!), которые на мое счастье завалились в дырку в подкладке. Первая – об оплате за свет (аж целых 2 рубля и 35 копеек!), но главное – внизу был от руки написан адрес: улица Ворошилова, дом 14, квартира 21.

Супер! Я теперь знаю, где я живу!

Однако долго радоваться не вышло: на второй квитанции «за водоснабжение», где оплата была вообще фантастическая – 17 копеек (17 копеек, Карл!), стоял адрес: переулок Механизаторов, дом 8, квартира 2. И надпись была сделана той же рукой.

Ну вот, теперь я опять не знаю, где я живу...

Не, ну почему такая непруха? Ну, ладно я теперь попаданка, примем за данность, но, блин, не то, что всяких магических способностей нету, но даже памяти предыдущей владелицы этого толстозадого тела, и то не осталось. Не скрою, швыряться направо-налево фейерболами и испепелять одним взглядом было бы прикольно, но, блин, хотя бы некоторые фрагменты памяти можно же было оставить?!

И как вот теперь?

Даже если я сегодня заночую в этом унылом кабинете на

столе, то все равно рано или поздно придется идти домой. А если я не приду ночевать, то доставшийся в виде бонуса супруг Лидии Степановны будет, мягко говоря, озадачен. Это в лучшем случае.

Остается два варианта: искать самой или брать такси и пусть меня привезут. Один из этих адресов однозначно должен быть моим.

Но самой искать нереально – города я не знаю, а навигаторов в это время еще не сочинили. А на такси хватит ли денег? И, опять же – мобилок еще нету, как вызвать такси?

Мдаааа..., засада... кругом одна засада...

Резкий протяжный гудок заставил подскочить. В коридоре слышались голоса, топот. По всей видимости это был конец рабочего дня и народ устремился домой.

– Лидочка, ты идешь? – в двери возникла кареглазая девушка с забавной челкой.

Я обрадовалась: вот мой личный Харон, который однозначно знает, где живет это тело и поможет мне пройти этот безумный квест.

– Да, конечно, – как можно дружелюбнее улыбнулась я. – Сейчас только...

Я торопливо открыла один шкаф, второй, но нигде верхней одежды Лидии Степановны не было.

– Лидусь, а что ты ищешь? – заинтересовалась девушка.

Блин, а я ведь даже имени ее не знаю. И что отвечать не знаю. От конфуза меня спасла защитница детей Африки:

– Тонечка, у тебя червонец занять можно? Мне до полочки, – затараторила она, – В «Военторге» выбросили финские плащи, как раз моему подойдет. Я уже и отложила.

Пока Тонечка доставала деньги, я нашла нужный шкаф, где висело синтетическое пальтишко веселенькой дачной расцветки. В принципе, ожидаемо.

Мы вышли из здания с массивными аляповатыми колоннами. Шагнув в новый мир, я обернулась, чтобы запомнить, куда вернусь завтра. Вывеска на входе гласила: «депо «Монорельс» и ниже, более мелкими буквами: «Колесно-роликовый участок ВЧДР-4».

Замечательно!

После многолетней работы в огромной корпорации брендовых аксессуаров, с гигантской сетью фирменных и франчайзинговых магазинов в Риме, Венеции, Барселоне, Париже, да что там говорить, – даже в Сантьяго-де-Чили и в Плайя-дель-Кармен и то были наши представительства, и вот, после всего этого, теперь я – работник депо «Монорельс»!

Вот честно, я бы сейчас бахнула мартини. А лучше – коньяку.

Мы вышли на шумный проспект, оживленный, но какой-то бесцветный, что ли. Глаза напрягало отсутствие ярких красок и привычной какофонии рекламных щитов, бигбордов, арт-баттловских панно и ларьков с шаурмой. Фаса-

ды панельных зданий невыразительно серели или же были украшены панно в духе соцреализма (так называемое искусство повседневности или повседневность искусства). Я даже умилилась. Хотя, может, это потому, что было 1 апреля и деревья стояли голые. Тем временем Тонечка всё тараторила и тараторила, так что я поневоле стала вникать:

– ...и можешь себе представить весь этот скандал – она тайно встречалась с этим Антоном. А он ее на 12 лет младше! Они даже хотели пожениться, но Тамара Семеновна говорит...

– А сколько ему лет? – я рассматривала людей, точнее советских граждан, в повседневной одежде кардинально немарких расцветок, и мне стало еще более грустно.

– Антону? – удивилась Тоня, – лет 22 где-то, он с армии как пришел, то на заводе два года отработал.

– А ей тогда получается 34? – взгляд скользнул по автобусной остановке и зацепился за фотографии ударников социалистического труда на двухметровой доске почета.

– Еще 33, в ноябре будет 34, но ты представляешь....

– И они оба свободны? – я смотрела, как из автобуса грузно вышла женщина с авоськами, из которых торчали упакованные в серую плотную бумагу свертки. Ее клетчатый платочек сбился и слипшиеся от пота волосы лезли в глаза, она их сдувала, так как руки были заняты. Сгорбившись, поправляя плечом съезжающий на щеку платок, она побрела к гастроному, переваливаясь, как утка.

– Да, но она....

– Тонь, а в чем фишка всей этой истории? Два свободных совершеннолетних человека полюбили друг друга и решили пожениться. Что здесь не так?

– Она же старше его!

– И что? Это – ее проблемы... – черт, кажется, я начинаю понимать, куда я попала, и что эльфы – более оптимальный вариант.

– Ты что, Лида, нельзя же так...

К счастью, дискуссию пришлось свернуть, так как на кирпичной стене я увидела вывеску «пер. Механизаторов, 8». Очевидно, мой дом.

– Тонь, всё, я пришла, давай, до завтра!

Тоня, которая уже набрала воздуха для очередного аргумента, так ничего и не ответила и, резко отвернувшись, целеустремленно зашагала дальше. Обиделась. Жаль, неплохой, вроде, человек.

Я шагнула в подъезд. Там, в квартире № 2, мне предстояло знакомство с супругом.

Квартира Лидочки Горшковой оказалась не совсем ее. Точнее, квартира была коммунальной, с высокими потолками, узкими комнатами и застарелым запахом убежавшего молока. В прихожей громоздилась инсталляция из санок, велосипеда и каких-то коробок.

Пока я пыталась угадать, какая именно из четырех комнат моя, дверь той, что слева, распахнулась, и на пороге возник печальный мужчинка с намечающимся животом, белобрысый и усатый. Было ему около 30-35 лет, хотя в это время люди старели быстрее, так что вполне могло быть и 25. Он исподлобья уставился на меня и многозначительно молчал.

Ну, я тоже рассматривала его и тоже молчала. Во-первых, я подозревала, что это и есть сам Горшков, супруг Лидии Степановны, но это было не точно. Во-вторых, я банально не знала ни имени этого супруга, ни темы для разговоров.

Пауза затягивалась.

Наконец, мужчинка не выдержал первым и мрачно сообщил:

– Суп прокис.

Я продолжала молчать. Потому что не понимала, какую реакцию он ожидал от супруги – просить прощения, бежать варить новый суп, рыдать, пойти повеситься, в конце концов. Но хоть одно радует – теперь стало понятно, что это и есть супруг Горшков, потому что по логике какое дело постороннему человеку до супа Горшковых?

Не дождавшись от меня ответа, Горшков расстроено добавил:

– И рубашку ты плохо погладила, Лидия. На рукаве две складки, и у воротника.

А вот это уже серьезное обвинение, пойду, значит, повешусь. Что-то на ха-ха меня пробивает, поэтому, чтобы пре-

кратить зарождающуюся истерику, я резко вдохнула и выдохнула. Очевидно, приняв мою реакцию за полное признание вины, Горшков нахмурился и продолжил:

– А вчера ты купила килограмм фарша по рубль восемьдесят пять копеек, а в центральном гастрономе можно было взять за рубль шестьдесят...

От неожиданности я икнула.

Горшков продолжал что-то еще зудеть, а у меня вдруг дико разболелась голова. Боль билась то в висках, то в затылке, казалось, в мозг вставили раскаленный гвоздь и медленно его там проворачивают. Перед глазами потемнело и во рту ощутимо почувствовался тошнотворный металлический привкус. Сквозь вязкую, как кисель, пелену до меня доносился голос, который монотонно бубнил, перечисляя грехи этого тела.

И тут вдруг такая злость меня накрыла, что я не выдержала:

– Слышь, козел, рот закрой.

Мужчинку аж перекосило: он выпучил глаза и, словно выброшенная на берег рыба, хватал ртом воздух. Мне даже стало его жаль, обычно я стараюсь быть вежливой, но тут все как-то сразу, вот нервы и сдали.

Я обошла статую супруга Лидии Степановны и вошла в комнату, где проживала чета Горшковых. Обстановка соответствовала стилю повседневной жизни простого советского гражданина: панцирная кровать с небольшой горкой по-

душек, светлый полированный шкаф, этажерка с проигрывателем, два стула, по центру комнаты – круглый стол под плюшевой скатертью с бахромой. На обклеенной полосатыми обоями стене – радио и вырезка с изображением березового леса. На узком окне – веселенькие занавески в цветочек. Телевизор у Горшковых был черно-белый.

Надеюсь, раскладушка здесь тоже должна быть, иначе придется Горшкову спать на полу. Что-то мне стало совсем грустно. Я люблю комфорт, в смысле любила... в той, прошлой жизни... Люблю милые повседневные ритуалы – к примеру, встать утром, когда еще все спят, прошлепать босиком по мягкому ковру на кухню, сварить кофе с корицей и черным перчиком, и потом сидеть в любимом кресле и пить обжигающий, чуть терпкий, кофе из любимой чашки и смотреть в окно на медленно падающий снег...

А в этой жизни и обстановочка так себе, и внешность Лидии Степановны более чем заурядная, и работает она не в Академии наук, зато в придачу усатый супруг с кучей проблем и затруднений. Зашибись стартовые условия для попаданки!

Додумать мысль мне не дал отмерший Гошков, который оправился от потрясения и желал взять реванш:

– Ты аферистка, Лидия! И хамка! Я весь день голодный! В холодильнике только прокисший суп и котлеты. Ты же знаешь, что я не ем котлеты без гарнира. Моя мама...

– Стоп! Горшков, ты с работы во сколько пришел?

– В два часа, ты же знаешь, у меня по вторникам три урока.

– А я – в шесть часов вечера. Ты что, не мог за четыре часа отварить себе картошку или сделать яичницу?

– Ты – моя жена и это ты должна заботиться о муже!

– А что должен мне ты, Горшков? – вот даже интересно стало.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой в таком тоне! – взвизгнул супруг и заметался по комнате, судорожно впихивая в чемодан рубашки, брюки и прочий хлам. – Я уйду пока к маме! А ты подумай! Подумай хорошо над своим поведением, Лидия!

Когда хлопнула дверь, я вздохнула свободно и рухнула прямо в одежде на кровать. Под немалым весом Лидочки кровать жалобно скрипнула, и панцирная сетка прогнулась чуть ли не до пола. Блин, как здесь можно спать? Это же смерть для позвоночника. Вспомнила любимую кровать с ортопедическим матрасом, на глаза набежали слезы. Интересно, как там мои? Бедный Жорка, сколько же ему предстоит всяких неприятностей из-за меня. Хоть бы не спалился перед женой и моими. Прости, милый... От всех этих мыслей слезы хлынули из глаз в три ручья. Захлебываясь в рыданиях, я размазывала тушь по щекам и тоненько подвывала.

Неожиданно дверь скрипнула, и я услышала:

– Что, Лида, плачешь? Правильно, пореви, пореви. Тако-

го мужика потерять. Вот ты дура, прости господи. Я всегда говорила, что добром это не кончится...

Я вытаращилась на чудо, возникшее в дверном проеме, которое продолжало вещать:

– ...ты на себя посмотри – ни рожи, ни кожи. Валерий женился на тебе, так имей совесть и уважение. Он все-таки с высшим образованием, пусть и неоконченным, из хорошей семьи, кандидат в члены партии. А ты кто? Выскочка, вот ты кто!

Наконец я смогла справиться с тушью и слезами, и нормально рассмотреть неожиданную гостью. Очевидно, это соседка Горшковых, иначе зачем ей разгуливать по дому в замызганном халате и накрученных на крашенные хной волосы бигуди. Соседка смачно затянулась сигаретой, от чего ее морщинистое лицо еще больше сморщилось, и медленно выдохнула струю дыма:

– И что теперь? Чего ты добилась этим, Лида? Не удержала мужа, сейчас на работе узнают, в партком вызовут. Останешься без премии и перед людьми стыдоба какая...

Мне вдруг остро захотелось закурить. Так-то я в той жизни не курила... почти не курила. В студенческие годы, в общаге курили все, а потом, когда повзрослела, занялась йогой, ЗОЖ, какое уж там курение... и только в редких отпусках мы с Жоркой курили... и пили по утрам кофейный ликер, а вечером – вино... видимо, чувствовали себя сбежавшими от всего мира подростками, хотелось чего-то такого... хули-

ганского...

– Извините, можете угостить сигареткой? – слова сами сорвались с языка еще до того, как я успела подумать.

– Лида? – Вытащила глаза соседка. – Ты же не куришь.

– Да вот... сами видите.

– Ну да, ну да, – глубокомысленно кивая, она достала надорванную пачку «Полета». – Держи...

Я вытащила сигарету и прикурила. Горьковатый дым сразу наполнил легкие, я аж закашлялась. Вторая затяжка пошла легче – прочистила мозги и принесла успокоение.

– Ты смотри, не знала, что ты куришь, – удивилась соседка, наблюдая за кольцами дыма, который я выпускала, как когда-то учил Жорка.

– Жизнь такая... – со вздохом протянула я. – Поневоле закуришь.

– Эх, как тебя... – встревожилась соседка, – ты вот что, девонька, поесть бы тебе сейчас надо.

И правда. Я сразу почувствовала адский голод. В этом мире я еще ни разу не ела. А когда последний раз ела Лида – не знаю. Поэтому пошла за соседкой на общую кухню. Кроме того, нужно осмотреть ареал, где теперь предстоит обитать. И раз появился добровольный экскурсовод, глупо не воспользоваться такой возможностью.

Кухня любой коммунальной квартиры – это прежде всего арена боевых действий. Примерно, как территория Палести-

ны в окружении противника: кругом враги, летят снаряды, да еще и жара адская. Чуть зазевался – и всё.

Наша кухня, как ничто, подходила под это определение: на здоровенной, срочно требующей капитального ремонта территории комнате было четыре кухонных стола, четыре плиты, три с половиной холодильника и большой пузатый буфет. Буфет принадлежал моей новой знакомой – Римме Марковне Миркиной, по праву первородства, тьфу, то есть по праву заселения – она была самой первой из жильцов квартиры. Причем изначально ей принадлежали целых две комнаты. Но потом где-то там наверху решили, что одинокая пожилая женщина в двух комнатах – это непозволительная роскошь для государства, поэтому ей оставили только одну, а во вторую, побольше, моментально заселилась многодетная семья крановщика пятого разряда Грубьякина. Кроме четырех детей, воспитанием которых было явно некому заниматься, в семью входили супруга Зинка, домохозяйка и сплетница, а также теща Клавдия Брониславовна, интеллигентная женщина с нелегкой судьбой, схоронившая в свое время четырех мужей и сейчас находившаяся в активном поиске пятого. Все коллективно надеялись, что Грубьякиным рано или поздно дадут отдельное жилье, но что-то там никак не складывалось, поэтому все семейство, которому было слишком тесно в одной комнате, периодически начинало интриговать то против Риммы Марковны, то против Петрова, четвертого нашего соседа. Федор Петров был тунейдец и ал-

каш. Из-за пристрастия к спиртным напиткам его за спиной называли Петров-Водкин. В Советском Союзе всем трудоспособным гражданам полагалось работать и за тунеядство даже была статья. Но у Петрова была оформлена инвалидность, что позволяло ему не ходить на работу и калдыбанить сутками. Когда у Петрова заканчивались деньги, он становился очень склочным и мог переплюнуть в многоходовых интригах даже Клавдию Брониславовну.

Против Горшковых, что удивительно, ни Грубьякины, ни Петров особо не воевали, иногда только Римма Марковна на правах старшей по возрасту могла повоспитывать Лидочку, да и то – больше для профилактики, а так – ни-ни. Как выяснилось, супруг Лидочки, Валерий Анатольевич Горшков, трудился учителем пения в Ветеринарном профтехучилище, был кандидатом в члены партии и вообще происходил из хорошей семьи.

Все это я выяснила у Риммы Марковны, с которой мы с удовольствием съели злополучные котлеты, так легкомысленно отвергнутые Горшковым. Когда чайник вскипел, и мы уже перешли к чаю, на кухню величественно вплыла лично Клавдия Брониславовна с целью немедленно выяснить важный вопрос:

– Римма Марковна, вы вчера забыли выключить свет в туалете! – безапелляционно заявила она.

– Вранье! Я всегда выключаю! – моментально возмутилась та. – Это ваш Пашка никогда не выключает, я видела.

– Не тронь ребенка! – на кухню фурией влетела Зинка, запахивая на ходу халат. – Своих детей нет, так на чужих рот не разевай!

– Да кому он нужен... – попыталась отбиться Римма Марковна, но была перебита лично Клавдией Брониславовной:

– А позавчера вы, дорогуша...

Что натворила Римма Марковна позавчера осталось неизвестно, так как все заглушил утробный детский рев.

– Лешка, гад такой... – ахнула Зинка и метнулась обратно в комнату. За ней удалилась Клавдия Брониславовна, напоследок столь многозначительно взглянув на Римму Марковну, что всем стало ясно – разговор далеко еще не окончен.

– Вот так и живем... – улыбнулась Римма Марковна, но губы ее дрожали. – Если ты одна, старая, то заклюют. Это еще их Грубьякин со смены не вернулся. Втроем они тут такие концерты устраивают, хоть сразу стреляйся.

Я слушала ее и понимала – нужно отсюда сваливать. Я еще не поняла, со страны или только с квартиры, но то, что так жить нельзя – это однозначно.

Уже поздно ночью, ворочаясь в неудобной кровати, я думала о том, как теперь жить дальше. Женщина-попаданка – это не мужчина, здесь все гораздо сложнее: спеть песню Сталину, победить Ивана Грозного или сочинить пулемет женщина вряд ли сможет. Просто потому, что малореально. Это не зависит от ее интеллекта или кармы, просто в мире муж-

чин свои правила. И что тогда остается? Стать ударницей соцтруда? А зачем? Идти в боевые подруги к какому-нибудь ответственному товарищу с целью спасти СССР? Смешно. И неприятно. Уехать из СССР? Это уже более реально, но очень трудно. Нужно быть или олимпийским чемпионом, или известным артистом, чтобы появилась возможность ездить за границу. Да и то, если мне не изменяет память, ездили они, в основном, в страны социалистического лагеря.

Значит, остается единственный пока путь – попытаться устроиться здесь, максимально комфортно и безопасно. А дальше будет видно.

Но для того, чтобы хорошо жить, нужны деньги. На зарплату конторского служащего, кем была Лидочка, особо не поикуешь. И с супругом что-то делать надо. Права Римма Марковна, в эти времена семья – это ячейка социалистического общества и вот так запросто разрушать ее никто не позволит. Грохнуть Горшкова? А что, стать вдовой и жить себе дальше спокойно. Как та же Клавдия Брониславовна. Четырежды вдова! Да ей орден давать надо, я уверена, что не все там так просто. Но это все шутки, а вот проблема под названием «Горшков» никуда не делась.

Дальше – у Лидочки нет высшего образования, только какой-то провинциальный техникум. Я отыскала диплом и посмотрела – Лидочка была хронической троечницей. То есть поступление в нормальный ВУЗ с таким дипломом ей не грозит. Да и возраст. Согласно найденному в шкафу паспорту,

Лидочка была немолода – ей исполнилось 30 лет. Для нормальной карьеры в эти года – уже перестарок.

И внешность. Как известно, встречаются по одежке (блин, с одежкой тоже что-то надо делать, причем срочно), и Лидочка даже в категорию «приятная взору» не вписывается. Что остается? Холить и лелеять. Я смотрела сегодня на женщин на улице. Молодые все – да, красивые, стройные. А вот после 30 – сплошь ужас ужасный. И чем дальше в категорию «им за...», тем все выглядит хуже. Молодость уходит, а следить за собой не умеют. Мало кто из женщин от природы стареет красиво. Поэтому будем считать, что здесь в плюс идут мои знания, экологически чистые продукты и всего лишь тридцатник Лидочки – в сумме должен быть положительный результат.

И последнее, что остается – жилье. В таких условиях жить невозможно. Нужна отдельная квартира. Большая и светлая. Какое-то время, пока не освоюсь, придется перекантоваться здесь, но нужно начинать думать о том, как обеспечить себя в старости. Так и не додумав до конца мысль, я уснула...

Глава 2

Утро началось значительно раньше, чем хотелось бы.

Прекрасно помню, что будильник я заводила на 7 утра, а сейчас на часах было всего 5! Разбудило меня оглушительное горловое пение на кухне. Кто-то очень старательно и привычно пытался взять четыре октавы, причем все четыре сразу. Затем что-то грохнуло, потом стукнуло, брякнуло и вроде как разбилось. Одновременно захлопали двери и слышался возмущенный голос Клавдии Брониславовны, ему вторил еще чей-то, невнятный.

Свара на кухне все набирала обороты, плюс добавилось многоголосье детского рёва. Спать в такой обстановке было невозможно. Поэтому я решила встать и осмотреть гардероб Лидии Степановны. Вчера я настолько вымоталась, что руки не дошли.

Ну что сказать, я, конечно же, подозревала, что у Лиды имеются определенные трудности, но чтоб настолько! В общем, когда я залезла в шкаф, то примерно семьдесят процентов вещей принадлежали супругу (это без учета того, что вчера он унес к маме целый чемодан), а вот одежда самой Лидочки ограничивалась трикотажными кофточками расцветок «вырвиглаз», черной юбкой и синтетическими блузками с огромным бантом или же рюшами вместо ворота. Состояние и качество белья я даже комментировать не буду.

Растоптанные туфли фабрики «Скороход». В косметичке – тушь для ресниц «Ленинградская» (это на которую сперва поплевать надо, а потом повазюкать щеточкой), косметический вазелин «Норка», полупустой протекающий тюбик тонального крема «Балет», огрызок черного карандаша, самопальные тени для век с крупными блёстками и перламутровая помада, явно просроченная. Отдельно шла россыпь пластмассовых заколок. В общем – «фсё ф топку»!

В результате на работу я надела черную юбку и белую рубашку Горшкова, неформальненько подкатав рукава (получилось слегка оверсайз, но зато хоть без рюшей). Чуть тронула ресницы тушью, карандашом поправила брови, и на этом ограничилась. Но главное – волосы. Путем невероятных ухищрений и манипуляций, мне удалось всего за каких-то пару часов кое-как выпрямить бараньи кудряшки и стянуть их в простой узел на затылке. Критически осмотрев себя в зеркало, я поморщилась и отправилась на работу. От завтрака я благоразумно воздержалась, так как на кухне, по моему, начался зомби-апокалипсис.

В общем, срочно нужны деньги, новая одежда и другое жильё. И только после этого я буду готова спасти мир!

В кабинет счетно-конторского отдела колесно-роликового участка ВЧДР-4 депо «Монорельс» я вошла под оглушительный рёв гудка. Весеннее солнце легкомысленно светило

в узкое оконце, отбрасывая россыпь зайчиков от пишущей машинки на ворох бумаг.

Однозначно, Лидия Степановна Горшкова была троечницей не только в техникуме, но и по жизни. Окинув взглядом стол, заваленный документами разной степени давности, я крепко загрустила. Чтобы очистить эти «агиевы конюшни» нужна бригада профессиональных клинеров, а лучше – сразу две-три. А я-то всего одна, и не позавтракала даже.

Однако долго грустить я себе не позволила, так как, по заветам офисного мира, первое правило всякого нового сотрудника (а без Лидочкиной памяти я была здесь, пожалуй, зеленым новичком), так вот, первое и самое главное, что должен сделать каждый новичок на своем рабочем месте – это максимально внимательно и срочно изучить должностную инструкцию. А потом уже все остальное.

Вторым пунктом было составление тайм-менеджмента. Нужно было перебрать весь этот бумажный Эверест и разложить по кучкам «Очень срочно», «Срочно», «Может полежать, но недолго», «Пусть себе лежит, вдруг пригодится», «Надо не забыть выбросить». Отдельной кучкой шло «Ах-тунг! Вчера!».

И вот за этим увлекательным занятием меня и застала Зоя Смирнова, защитница детей Африки и угнетателей влюбленных. Да, я уже знала, как ее зовут, а все потому, что было еще одно важное правило новичка – постараться максимально быстро запомнить самых важных сотрудников и выучить

их фамилии-имена-отчества. Что я и сделала, внимательно изучив оба стенда на стене возле бухгалтерии.

Сегодня на Зое вместо берета была зеленая вязаная кепочка с пушистым помпончиком:

– Горшкова! – как обычно с места в карьер взяла Зоя. – На заседании скажешь речь.

– Оп-па! – удивилась я и переложила стопочку бумаг в другую кучку. – Что за заседание и о чем речь?

– Горшкова! – возмутилась Зоя. – Ты вчера чем меня слушала?

Угу, я бы тебе сказала, чем слушала, да неудобно...

– Сегодня в восемь вечера будет коллективное собрание. Будем порицать поведение Авдеевой и Свирина. Ну, тот, который из технического отдела, по наладке вагонов.

– А что они натворили? – вежливо поинтересовалась я, аккуратно развязывая очередную папочку так, чтобы ничего не выпало.

– Как это что? – изумилась Зоя. – Роман на работе они крутили. Ну ладно еще Свирин, а Авдеева ведь старше. И замужем! И ребенок у нее. Теперь Свирин хочет жениться на Авдеевой, а она замужем...

– погоди, Зоя, – аж растерялась я, и так дернула за шнурочек, что две квитанции таки выпали. – И что именно я должна провозгласить перед коллективом по этому поводу? Я ведь их даже не знаю...

– А причем здесь знаю-не знаю? – всплеснула руками

Зоя. – Их поведение аморально, и коллектив должен соответственно отреагировать. Вот и выступишь. Сначала осудишь, а потом выскажешь предложения. Я написала вот на листочке.

Когда я вылезла из-под стола с найденными квитанциями, передо мной появился тетрадный листочек в клеточку, густо исписанный мелким каллиграфическим почерком. У меня даже глаз задергался, правда я быстро опустила голову, чтобы внимательная Зоя не заметила, а то вдруг еще и меня на коллективное порицание вынесет.

Вот засада, мало того, что неохота вечер на всякие собрания тратить, так еще и выступать с осуждением незнакомых мне людей по явно раздутой проблеме, до которой мне категорически пофиг. Но если отказаться, будут осложнения, жопой чую. Но и соглашаться нельзя. Один раз согласишься – потом на каждом собрании выступать придется. Мдааа, дилемма...

Поэтому я изобразила взгляд Алёнушки из фильма «Морозко» и грустно сказала:

– Я не могу.

– Ты что, Горшкова... – задохнулась от негодования Зоя. – Да как ты... да я...

– Я не могу ни присутствовать на собрании по такому поводу, ни тем более выступать, – с легкой печалью в голосе продолжила я.

– Почему это? – наконец взяла себя в руки Зоя, но лицо

ее пошло красными пятнами.

– Меня вчера муж бросил, – доверительно сообщила я. – Я не спала всю ночь, понимаешь? Страдала.

Надо было видеть лицо Смирновой в этот момент: изумление, шок, трепет, любопытство, восторг, – и все это вместе.

– Сиди здесь, – вдруг ласково скомандовала она и устремилась к двери.

– Я потому не завтракала, и не ужинала, – наябедничала я. – Не могу.

– Ясно, – по-офицерски кратко кивнула Зоя и пулей выскочила из кабинета.

Не успела я еще ознакомиться с папкой, на которой было крупно написано: «Структурная схема управления грузового вагонного депо N 14-б/003-01», как дверь в кабинет открылась и начали заходить люди, точнее представительницы женского пола, общей численностью шесть, включая Зою. Все они были разного возраста, примерно от двадцати до пятидесяти лет, разной комплекции и роста, но всех их объединяло одинаковое торжественно-сочувственное выражение лица.

Очень порадовало то, что с собой они несли вазочки с вареньем, накрытые салфетками пиалочки, ароматно пахнущие кастрюльки, разнокалиберные чашки и явно вскипевший чайник. Все это добро они выставили на моем столе, затем также молча вдруг вышли (все, кроме Смирновой). Не успела я удивиться, как они тут же вернулись. Каждая из них

несла стул. Последняя, конопатая девушка, несла два стула.

Когда все чинно расселись и разлили чай, Смирнова командовала:

– Рассказывай, Лида.

Вооот, я теперь уже не Горшкова, а Лида. Ну ладно, мне не жалко. И я стала рассказывать о том, какой гад Горшков, и сколь тяжела женская доля, не забывая при этом наяривать очень вкусный винегрет и бутерброды с настоящей докторской колбасой.

Ничто не предвещало грозы, и в тот момент, когда я уже почти согласилась попробовать кусочек домашнего яблочного пирога, дверь распахнулась и в кабинет медленно вошел коренастый человек неопределенной гендерной идентичности. Отсутствие груди и косметики на лице, очень короткая стрижка и крупные янтарные бусы еще больше запутывали и рвали шаблоны. И только по концентрированному шлейфу духов «Красная Москва» можно было сделать примерный вывод, что это все-таки женщина. Хотя, может, это вовсе и не «Красная Москва», а, к примеру, одеколон «Гусар», или даже «Шипр», – я не особо разбираюсь в этих винтажных запахах.

Но если честно, то я сразу узнала, кто это. Ведь фото моей начальницы также было на стенде возле бухгалтерии. Капитолина Сидоровна Щукина, начальник кадрово-конторского отдела, на фото получалась, наверное, более бинарной, чем в жизни.

– А что это мы тут чай гоняем в рабочее время? – вместо приветствия рявкнула она.

Все промолчали, даже Зоя Смирнова. Хотя, очевидно, вопрос оказался риторическим и Капитолине Сидоровне ответы были не нужны, так как она бодро продолжила:

– Пока все советские люди трудятся, мы бездельничаем, значит, да? – Щукина грохнула пухлую папку на стол, зацепив чашку, обжигающе-горячий чай выплеснулся мне на рубашку, и я сразу поняла, что с Капитолиной Сидоровной мы не поладим.

Не обращая внимания ни на окружающих, ни на то, как на кипенно-белой ткани расплывается уродливое темное пятно, Щукина продолжала обличать:

– Что, паразитки, совсем нечем на работе заняться? – Глаза ее опасно сузились. – Развлекаетесь? Так я сейчас быстренько найду вам всем работу! Тунеядки!

Взгляд ее скользнул по оробевшим сотрудницам и остановился на мне. Я в это время пыталась хоть как-то вытереться. Лицо Капитолины Сидоровны вспыхнуло, и она вдруг перешла на фальцет:

– Горшкова! Я с тобой разговариваю или со стенкой?! Ты совсем идиотка?!

Каюсь, я не сориентировалась, что ответить. В моем толерантном мире вот такое откровенное хамство было давно не принято, все заменили корпоративные куртуазные войны, когда завуалированные оскорбления подавались с милой

улыбкой и хорошим тоном считалось наехать на коллегу так, чтобы он потом ничего не мог предъявить. А тут так примитивно буром поперла. Тем временем лицо Щукиной начало багроветь:

– Горшкова, да сколько можно! Что ж ты за тупица такая! Всё! Она меня достала. Подчеркнуто спокойным голосом я ответила:

– Капитолина Сидоровна, в чем причина такого поведения? Вам не хватает управленческих навыков или вы просто не способны сдерживать эмоции?

От неожиданности глаза у Щукиной вылезли из орбит:

– Да ты...

– Согласно Трудовому кодексу, нецензурная брань и хамство на рабочем месте является нарушением трудового законодательства. Тем более вы ругаетесь и оскорбляете меня в присутствии коллектива. Вот мы сейчас составим акт и зафиксируем нарушение внутреннего распорядка...

– Да как ты...

– Капитолина Сидоровна, извольте не перебивать. Мы вас выслушали, теперь выслушайте меня, – я слегка обозначила улыбку. – Спасибо. Я продолжу. Так вот, Капитолина Сидоровна, согласно Правилам внутреннего распорядка депо «Монорельс», сотрудникам полагается тридцатиминутный перерыв на каждые четыре часа. Чем можно заниматься сотрудникам во время перерыва – в Правилах не оговорено. Так что – на усмотрение самих сотрудников. Мы вот реши-

ли попить чай. И я искренне не понимаю такое ваше поведение. У нас свободная социалистическая страна и крепостное право давно отменили. А если вы не способны держать себя в руках, могу посоветовать отвар пустырника. Говорят, успокаивает.

Кто-то из девушек хрюкнул. Щукина позеленела и ринулась к двери. Я сделала контрольный:

– И еще. Капитолина Сидоровна! – сообщила я в спину Щукиной. – Вы мне должны оплатить химчистку за испорченную рубашку.

Входная дверь хлопнула так, что со стены посыпалась штукатурка.

– Ну все, теперь в партком вызовут... – тоскливо пробормотала Зоя, и все вдруг разом начали собираться. Кабинет опустел мигом.

Я глянула на часы: времени оставалось вполне достаточно чтобы закончить разобрать бумаги.

Но я ошиблась.

Новость о том, «как эта Горшкова прищучила Щуку» мгновенно облетела все депо и стала достоянием коллектива. Ко мне в кабинет началось паломничество: ежеминутно заглядывали сотрудники, вроде как по своим делам, но каждый при этом норовил улыбнуться или подмигнуть. А одна дама, вроде из бухгалтерии, так вообще зашла и, ни слова не говоря, положила на стол большую плитку шоколада. Лицо

ее при этомлучилось от удовольствия.

Но почитать на лаврах я не спешила. С одной стороны, это как бы и хорошо, однако я понимала, что в реальности все далеко не так. Противостояние такой вот средненькой сотрудницы и начальника огромного отдела, приближенного к руководству организации, ничем хорошим для этой сотрудницы не закончится. Если бы еще это была особо ценная сотрудница, которая бы регулярно выдавала для организации эксклюзивный результат – то на инцидент закрыли бы глаза. И то – не факт. Но так как Лидочка звезд с неба не хватала, была ленива и безынициативна – то вызова на «ковер» я ожидала с минуты на минуту.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, в обеденный перерыв я решила сходить проветриться. По разговорам девушек из группы поддержки Зои (они все были, в основном, из канцелярии и планово-хозяйственного отдела) здесь рядом находилась куча разных магазинов. Ну, соваться в большой «Гастроном» во время перерыва нецелесообразно, там очереди должны быть километровыми, поэтому я решила сходить в хлебный.

Магазин «Хлеб» встретил меня таким умопомрачительным запахом свежее испеченного хлеба, что я чуть не изошла слюной. На стеллажах в деревянных лотках штабелями лежали кирпичики пшеничного и житного хлеба, белые пышные батоны, сахарные рогалики и посыпанные сдобные булки. Отдельным лотком были представлены желтоватые

«звездочки» с повидлом посерединке. И все это изумительное разнообразие даже на вид казалось столь вкусным и свежим, что все мои мысли о необходимости срочно садиться на низкоуглеводную диету вылетели прочь. Повинуясь одним инстинктам, я машинально отдала 14 копеек продавцу и получила заветную буханку.

Какое же это было наслаждение – вот так, как в детстве, грызть настоящий, без консервантов и разрыхлителей, хлеб, откусывая хрустящую, еще теплую, корочку прямо от буханки...

Я была права. На «ковер» меня вызвали сразу же после обеденного перерыва.

В кабинет заглянула секретарь Аллочка и звенящим от масштабности возложенной миссии голосом велела зайти к Ивану Аркадьевичу, срочно. Фотографии Ивана Аркадьевича на стенде у бухгалтерии не было, но это еще ничего не значило. Все и так знали, кто такой Иван Аркадьевич.

Если честно, я чуток закручинилась. Но раскаяния не чувствовала. И если бы ситуацию можно было отыграть заново, то не изменила бы ничего.

Нужный кабинет скрывался за неприметной крашеной дверью в тихом полуподвальном помещении, между архивом и кабинетом метрологии. Спускаясь по лестнице, я косяком оступилась – теперь каблук болтался на честном сло-

ве. Посчитав это за дурной знак, я совсем приуныла.

В тесном, чуть прокуренном вкусным недешевым табаком помещении заседали трое: грузноватый мужчина с острыми глазами и проседью; пожилая женщина в вышитой жилетке, и старичок с аккуратной бородкой.

После обмена приветствиями, женщина кивнула на стул:

– Присаживайтесь, Лидия Степановна.

Я осторожно примостилась. Все молчали. Пауза затягивалась. Скрипнула дверь, я скосила глаза: в кабинет тенью просочилась Аллочка и пристроилась сбоку у сейфа. На колени она положила папку с листочками и приготовилась писать.

– Ну, что ж, Лидия Степановна, – сказал старичок, тщательно поправил листок бумаги, лежащий перед ними на столе, и ласково взглянул на меня. – Что расскажете нам по поводу, так сказать, сегодняшнего происшествия?

Я пожала плечами:

– Если я правильно понимаю, в служебке все уже написано.

– Это не служебка, Лидия Степановна, не служебка, – позволил себе чуть укоризненно покачать головой старичок. – Это, так сказать, сигнал... мда.... сигнал о нарушении субординации, о недостойном советского труженика поведении, о неуважении к старшим, в конце концов...

Я опять пожала плечами:

– Все так и было.

– То есть... эммм... вы подтверждаете, Лидия Степанов-

на, что скандалили и грубили Капитолине Сидоровне?

– Подтверждаю, – согласилась я.

– Это недопустимо! – резанула воздух ладонью женщина. – Марлен Иванович, вы видите, что происходит?! Гнать ее в шею надо!

– Простите, эммм... Тамара Викторовна, к сожалению, мы этого сделать не можем... именно перед нами... эммм... Партия поставила задачи по нравственному воспитанию в духе коммунистических идеалов молодого, так сказать, поколения... И от того, как мы с вами, Тамара Викторовна, это воспитание будем осуществлять, в конечном счете, зависит судьба развития нашего общества, а следовательно – претворение в жизнь Программы КПСС!

Красиво завернул, я аж восхитилась. Всегда уважаю людей, которые способны вот так экспромтом жечь глаголом сердца.

Но Тамара Викторовна мои восторги не поделила:

– Так что, Марлен Иванович, – нахмурилась она, – теперь всем можно будет грубиянить и дерзить старшим? Все станут как Горшкова у нас, да? Давайте тогда хоть выговор ей дадим! Предлагаю выговор с занесением. Что скажете, Иван Аркадьевич?

Иван Аркадьевич сделал неуловимое движение ладонью, и Аллочка моментально положила перед ним два листочка из папки.

– Из вашей характеристики, Лидия Степановна, следует, –

он поправил очки и зачитал, – «...отсутствие инициативы и интереса к работе». Все правильно?

Я развела руками.

– И общественная нагрузка у Вас, Лидия Степановна, практически отсутствует, – продолжил Иван Аркадьевич, не обращая внимание на меня. – Поэтому предлагаю поступить так. Мы сейчас не будем портить вам характеристику, пока не будем, а вы должны извиниться перед Капитолиной Сидоровной завтра на пятиминутке. А чтобы вам некогда было скандалить, мы поручаем лично вам, Лидия Степановна, подготовить стенгазету от вашего отдела к Дню космонавтики. Через 5 дней у нас состоится смотр стенгазет от всех отделов, и мы коллегиально выберем лучших, тех, кто потом будет готовить большую праздничную передовицу к 12 апреля. Согласны?

– По поводу стенгазеты согласна, – подавила вздох я, – а что касается извинений, то у меня встречное предложение. Давайте поступим так: я предлагаю, чтобы все было подробно внесено в протокол, или характеристику, куда угодно. Пригодится. Потому что я намерена получить психиатрическое заключение о том, что диагноз «идиотизм», который мне прилюдно поставила Капитолина Сидоровна, не соответствует действительности. Также я получу акт о порче моего имущества – это когда уважаемая Капитолина Сидоровна опрокинула на меня чай. Можете посмотреть.

Я распахнула пальто, чтобы пятно на белой рубашке стало

всем видно, и продолжила:

– А еще возьму медицинское освидетельствование о нанесении мне физического вреда – на плече есть ожог от кипятка... и до сих пор болит, между прочим. Этого, надеюсь, хватит, чтобы подать в суд на Капитолину Сидоровну за издевательство над подчиненным и превышение должностных полномочий. А уж потом, согласно решению суда, я буду и извиняться, и все остальное.

В кабинете воцарилось молчание. Тамара Викторовна сделала вид, что ее здесь нет, а Марлен Иванович переглянулся с Иваном Аркадьевичем и укоризненно улыбнулся мне:

– Ну зачем же вы так, Лидия Степановна? Давайте не будем сгоряча... эммм... так сказать, рубить с плеча...

Я вернула улыбку и продемонстрировала готовность слушать.

– Ну, выговор... эммм... дать не трудно, так сказать, но ведь нам с вами это не нужно... Незачем усугублять и доводить до крайности... Мы поговорим с Капитолиной Сидоровной, мда... поговорим... И освидетельствования, там все эти акты – не нужно, Лидия Степановна... Давайте будем решать вопрос мирно, так сказать, не вынося сор из избы. Хорошо?

– Как скажете, Марлен Иванович, – покладисто кивнула я. – Я не пойду в суд и не буду извиняться перед Щукиной. А она мне оплатит химчистку за испорченную одежду, да?

К разговору подключился Иван Аркадьевич:

– Квитанцию за химчистку отдадите Аллочке. Мы посмотрим, что можно сделать.

– Хорошо. Спасибо.

– И у меня к вам просьба, Лидия Степановна. Газета должна быть не формальной, наклеить пару вырезок из журнала – этого совсем недостаточно. Она должна вызывать неподдельный интерес у наших сотрудников. От того, как вы проявите себя, Лидия Степановна, зависит ваша характеристика и все остальное... Надеюсь мы друг друга поняли?

Мне оставалось только согласиться.

И почему у меня сейчас такое чувство, что я не выиграла, а конкретно так вляпалась?

На вечернее собрание я категорически решила не идти. Ну а что, конфликт, разборка «на ковре» плюс ответственное задание – более чем достаточно для одного неполного дня. И это все на фоне раннего подъема утром. Кроме того, прошли сутки с тех пор, как я сюда попала. Практически первый юбилей попаданки.

По возвращению из полуподвальчика крепко задумалась: если отбросить «залет» на стенгазету (пока время терпит, целых 5 дней еще), то можно считать, что этот раунд за мной. Но! Это если только на данный момент. Если же смотреть даже чуть-чуть на перспективу, то первое, что сделает Щукина – захочет отыграться на Лидочке. И морально, и для восстановления репутации в глазах остальных. Поэтому она

будет вести войну до последней капли крови сразу по двум направлениям: пытаться подловить на косяках в работе и выматывать психологически, чтобы Лидочка сорвалась первая.

И однозначно у нее рано или поздно получится.

Причем она теперь будет более чем осторожна, и лить кипяток на спину подчиненным прилюдно не станет. Утрирую, но стоит ожидать чего угодно. И позиционных аргументов у Лидочки тогда может и не быть. А второй раунд «на ковре» однозначно будет проигран.

Значит, что? Кроме хладнокровия и сдержанности нужны ресурсы.

Как там говорил ответственный товарищ про Лидочку? «Отсутствие инициативы и интереса к работе». И это у нее в личной характеристике записано! Плюс «маленькая общественная нагрузка». Ну, с нагрузкой старшие соратники по-содействовали, этот пункт пока можно отложить. А вот инициативу и интерес к работе нужно срочно проявить. Причем активно.

Пожалуй, начнем с самого простого. Я еще не знала, кто в депо «Монорельс» является уполномоченным по рационализации, поэтому напечатала (в двух экземплярах) служебную записку о рацпредложении на имя Ивана Аркадьевича, где обосновала новый улучшенный подход к каталогизации документов. Служебку зарегистрировала в канцелярии. Второй экземпляр (с переписанным регистрационным номером) положила в специальную папочку, которую завела для этих

дел.

Дальше. По памяти набросала анкету для оценки эмоционального выгорания из шести пунктов. Завтра согласую, отпечатаю и пушу в ход.

Досадно, что Интернета нет, так бы я за вечер подготовила для Лидочки идеальную базу с аргументацией ее инициативности, креативности, творческого подхода и всего прочего.

Дальше. Для иллюстрации активной жизненной позиции Лидочки и ее разносторонних интересов нужно вступить в какое-нибудь диаметрально противоположное от профессии общество и платить взносы. По деньгам там ерунда, примерно от пары копеек до рубля в год, но зато это будет официальное хобби. Я задумалась. Вспомнилось только два варианта – Всесоюзное астрономо-геодезическое общество или Всероссийское общество охраны природы. В принципе, для меня без разницы. Нужно сегодня же зайти на почту и вступить и туда, и туда, а там уж куда примут. Если никуда не примут, тогда придется искать какую-нибудь местную ассоциацию любителей аквариумных рыбок или «клуб интернациональной дружбы».

Итак, первый штрих к портрету идеальной Лидочки начал выполняться.

Теперь возвращаемся к насущным проблемам. Где достать денег я так и не решила. Искренне восхищаюсь теми попаданцами, которые на вторые сутки в новом мире находят клад или грабят банк, и все у них дальше прекрасно. Я

грабить банк не умею. И боюсь. Следовательно, деньги нужно заработать, причем заработать так, чтобы это не противоречило облику советского труженика.

Утробно взревел гудок, сообщая об окончании рабочего дня. Я потрогала каблук, вроде пока держится, надела уродское синтетическое пальто и выскочила в коридор.

Мимо меня спешили домой люди. Мелькнула забавная челка Тони. Но она проскочила мимо, старательно отводя взгляд. Обиделась. Надо бы помириться, неплохая девчонка. Тем более других подруг, как я поняла, у Лиды не было.

Ладно, что-нибудь придумаю.

И я придумала. По дороге домой заскочила в магазинчик, небольшой такой, с промтоварами. Хотела купить клей для каблука. Клей не купила, точнее в этом магазине он не продавался, зато рассмотрела ассортимент мыльно-рыльных товаров. Ну, что сказать, качество более чем прекрасное, все, очевидно, натуральное, цены тоже порадовали. К примеру, кусок мыла был от 10 копеек («Банное») до 85 копеек за самое дорогое («Подарочное»). А вот выбор был, мягко говоря, не очень. Кроме этих двух, еще «Детское», «Земляничное», «Цветочное» и «Хвойное». И запахи на мой взыскательный вкус – так себе. Об упаковке вообще молчу. И я решила поэкспериментировать: купила 4 куска детского мыла, а в аптеке взяла бутылочку глицерина и масло льна (какое уж было).

Квартира № 2 в переулке Механизаторов встретила меня подозрительной тишиной. Осторожно лавируя между коробками в сумрачной прихожей, я чуть не заорала от ужаса, столкнувшись с привидением. Ну, а что, когда на тебя из полумрака молча взирает мертвенно-бледное лицо с горящими адским светом глазами и всклокоченными волосами, тут любой испугается.

– Тихо ты, – зашипело привидение и обдало меня концентрированным перегаром.

«Петров», – облегченно поняла я.

– Лидка, у тебя четыре рубля есть? – красные в прожилках глаза Петрова сверкнули как у боевого кота, и он, воровато оглянувшись, горячо зашептал. – Слушай, Лидк, а сбегай за «коленвалом», трубы горят, помираю...

Я не успела ответить, как он продолжил:

– Ну, ты же нормальная баба, хоть Горшок этот зашугал тебя с мамкой своей, но сердце-то у тебя доброе. Ну сбегай, а Лидк?

С алкашами и наркоманами общаться очень непросто – для них нет никаких законов и понятий... один раз поведешься, сможешь, так он от тебя потом вообще не отстанет. А с другой стороны – мне срочно нужны ресурсы для внедрения в этот мир и выживания в нем... комфортного, замечу выживания. Кроме того, я все равно из этой квартиры скоро свалю. Так что можно и помочь человеку. Да и жалко все-

таки. Но вслух я сказала совсем другое:

– Ну, ты и наглый, Федя. С какого это перепугу я тебе за водкой бегать должна? Да еще и свои деньги тратить.

– Ну, Лидк, ну, сбегай... – заныл Петров, почуяв, что жертва колеблется.

– Мне плитка нужна, электрическая, – сообщила я. – На время. Дня на три-четыре. Найдешь плитку – будет водка.

– Так это... есть! Есть плитка! – обрадовался Петров и глухо скомандовал: – не уходи только, я щас...

Не успела я дойти до двери своей комнаты и отыскать ключ в недрах сумочки, как рядом вдруг материализовался Петров. К груди он прижимал небольшую электрическую плитку:

– Вот, – как ребенок доверчиво он протянул ее мне. – Ну, ты чего, Лидка, зачем домой? Мы ж договорились, сходи...

– Тихо, Фёдор, – сурово отрезала я. – Жди здесь. Я сейчас проверю, если работает, будет тебе водка.

– Да что ты... – забеспокоился Петров, – Я же ее у Борьки взял с восьмой квартиры, у него всегда все работает, он электрик.

– Всё равно, я должна проверить, – шикнула я. – И не шуми, а то Клавдия Брониславовна услышит.

Упоминание имени Клавдии Брониславовны подействовало, и Петров сник.

Я зашла в комнату и, не разуваясь, включила плитку – открытая спираль сразу покраснела и начала греться. Отлично.

Работает.

Выключив плитку, я достала из шкафа бутылку портвейна «Солнцедар». Не знаю, зачем она хранилась у Горшковых, но бежать за водкой Петрову мне было лениво, да и денег особо не было.

– Держи, – я протянула портвейн.

– О! Клопомор! Уважаю! – вздохнул с облегчением Петров и застенчиво улыбнулся, осторожно прижимая к себе бутылку. – Я тебя люблю, Лидка!

Ну что ж, единственный человек в этом новом мире, который любит Лидку, упорхнул, а я вздохнула и взялась за дело.

Если говорить конкретно, то затеяла я варить мыло.

Да, мыло ручной работы с разными финтифлюшками, полезное, и чтоб запах был вкусный. Для того у Петрова плитку и взяла. На общей кухне под бдительными взглядами соседей особо ведь не наваришь. А у себя в комнате, что хочу, то и делаю.

Работа эта не сложная: растопить детское мыло на водяной бане, набросать туда всякой всячины, чуть глицерина, чуть молока, пару капель масла для запаха, в общем, что есть под рукой, и пусть застывает. Главное пропорции выдержать, иначе не застынет или растрескается.

Переодевшись, я включила радио, и под бодрящие звуки песни «Трус не играет в хоккей», нарезала мочалку из люфы на кусочки и залила всё это добро мыльным варевом, а

в другую посудину добавила мелко раздавленной овсянки и перемешала с основой. В результате получилось двухслойное мыло-скраб, которое я поставила остывать под кровать, благо в комнате было совсем не жарко.

Только-только я разогнулась и уже хотела спокойно попить чаю, как в дверь постучали. Хорошо, хоть я предусмотрительно заперлась на задвижку, чтобы бдительные соседи не врывались, как вчера Римма Марковна.

«— Хоть бы не Горшков», — расстроено думала я, открывая дверь, но повезло, и на пороге стояла Римма Марковна (помяни чёрта...):

— А я слушаю, слушаю, то ли ты песни поешь, Лида, то ли опять плачешь, — возбужденно сообщила она и вошла в комнату.

Я вздохнула и закрыла дверь.

— А чем это у тебя так приятно пахнет? — принюхалась Римма Марковна и уселась за стол. — Чай пьешь, смотрю?

подавив зевок, я достала вторую чашку с этажерки и налила чаю Римме Марковне. Та довольно отхлебнула и потянулась за баранкой.

— Лида, ты сегодня утром этот возмутительный кошмар слышала? — поинтересовалась она.

— Слышала, — устало буркнула я.

— Угадай, кто это был?

— Да что тут угадывать, — пожалала я плечами, — Петров, конечно же...

– А вот и нет! Федор у нас тихий, – с видом фокусника разулыбалась Римма Марковна – Грубьякин это был!

И она принялась в деталях рассказывать, как вусмерть поддатый Грубьякин вернулся под утро домой и с пьяных глаз разгромил кухню.

– Кстати, и твой суп сожрал весь прямо из кастрюли, – хихикнула Римма Марковна, и лучики морщин веером прорезались в уголках глаз.

– Так он же прокис, – изумилась я.

– А ему в таком состоянии все едино было, – Римма Марковна поддернула растянутый рукав некогда фланелевого халата и достала из заштопанного крупными стежками кармана неизменную пачку «Полета», – пойду я, пожалуй. Спасибо за чай, Лида. Я после чая всегда курить хочу. Не буду дымить тебе тут на ночь. Пахнет у тебя уж очень приятно.

Ссутулившись, по привычке поддергивая слишком длинные полы халата, она пошаркала к двери. И я не выдержала:

– Римма Марковна, секундочку! А давайте я вам новый халат подарю? У Лидочки... тьфу, у меня... есть совсем новый, ни разу не ношенный... мы с вами примерно одного размера... – затараторила я и достала из шкафа сверток. – А то ваш уже совсем старый...

– А зачем? – удивилась она, – у меня есть халат! Новый, прекрасный халат. Смотри.

Римма Марковна распахнула свой линялый халат и под ним я увидела точно такой же, но абсолютно новый, блестя-

щего темно-зеленого бархата.

– Эээээммм... – я уронила челюсть.

– Я всегда ношу его под низ, чтобы не испачкать. Жалко, новый же... – словно неразумному ребенку терпеливо объяснила Римма Марковна и, снисходительно улыбнувшись, аккуратно закрыла за собой дверь.

Да уж, вживаться в этот мир мне придется гораздо дольше, чем я ожидала...

Глава 3

На работу я чуть не опоздала.

Пока собралась, пока нарезала кусками мыло (второй шоколадный слой с люфой резался с трудом), пока перевязала каждый кусок узкой атласной тесемкой... Но до сигнала успела!

Я рассортировала еще две стопки бумаг, и потихоньку напечатала пробную анкету.

С печатной машинкой особых проблем не возникло, почти всё как на компьютере, только буквы выбивались туго, а буква «э» западала, и мизинцем не выбивалась вообще (сил не хватало), поэтому приходилось стучать по два раза указательным пальцем. Это слегка затормаживало процесс, но все равно оказалось лучше, чем я боялась. Как менять ленту, я еще не поняла, но, думаю, в процессе научусь.

А вот с расчётами была беда. Калькулятора у Лиды не было. На столе лежали отполированные временем деревянные счёты, но пользоваться таким устройством я не умела совершенно. В детстве, в школе, нам показывали, но принцип действия я полностью забыла. Пока умножала на листочке «в столбик», но для больших массивов данных эдак я всю работу запорю. Поэтому в список необходимого я дописала калькулятор. Не знаю, насколько широко они в это время распространились, но нужно поискать, должны ведь уже прода-

ваться.

За этими размышлениями меня и застала Аллочка, которая велела пройти к Ивану Аркадьевичу.

Памятуя про коварство лестницы, спускалась я на этот раз предельно осторожно.

Сегодня в кабинете Иван Аркадьевич был один. На столе возвышалась целая гора папок, которые он внимательно изучал, морща лоб и что-то яростно подчеркивая карандашиком. Меня он, кажется, даже не заметил.

– Добрый день, Иван Аркадьевич, – обозначила свое присутствие я. – Вызывали?

– Да, Лидия Степановна, присаживайтесь, – со вздохом оторвался от бумаг хозяин кабинета и посмотрел на меня. – Мне передали вашу служебную записку.

Я изобразила внимание.

– Вы предлагаете нам новый метод работы с документами, правильно я понимаю?

Я кивнула.

– А чем вам, Лидия Степановна, не угодил старый метод?

К этому вопросу я готовилась со всей тщательностью. И обоснование выработала. С примерами и иллюстрациями. Кратко, четко, по существу. Весь мой доклад занял минут пять.

Когда я закончила, в кабинете воцарилось молчание. Иван Аркадьевич продолжал смотреть на меня, но теперь уже с

интересом.

– В результате данное предложение будет способствовать повышению эффективности труда. Кроме того, если Вы поддержите, и мы отработаем его у нас в депо, то, в случае успеха, попробуем получить авторское свидетельство. А это – нам «плюс» к показателям экономической эффективности использования в народном хозяйстве новых предложений.

– Хм... ладно, оставьте, мы подумаем, – задумчиво сказал Иван Аркадьевич, что-то записывая в своем блокноте.

Окрыленная этими словами, я продолжила:

– И еще вот, Иван Аркадьевич, – я протянула листок с отпечатанной анкетой.

– А это что? – заинтересовался он.

– Анкета-опросник для оценки эмоционального выгорания работников депо, – сообщила я.

– Зачем?

– После проведения диагностики мы будем знать, что и почему происходит у нас в депо и, если выгорание у сотрудников подтвердится, мы сможем вовремя разработать и провести соответствующие мероприятия для повышения мотивации и профессиональной коррекции.

– А вот этого не надо! – рассердился вдруг Иван Аркадьевич. – Не надо! У нас на производстве нет никакого выгорания! Советская власть создает все необходимые условия труда, и не вам, Лидия Степановна, сомневаться в эффек-

тивности работы Партии!

Он еще минут пять поорал и выпроводил меня вон.
Мдааа, облом.

С отстраненным видом я шагала по коридору. Хотя, по правде говоря, в душе у меня, словно винегрет в желудке пьяного школьника, болтался триллион самых разных эмоций. Какой облом! Безотказная, идеально обкатанная поколениями менеджеров среднего звена схема в этом времени дала сбой.

Вот как все меняется! В моей (прошлой) жизни этот, придуманный когда-то америкосами, хайп по поводу эмоционального выгорания моментально подхватили и понесли в массы: в каждом уважающем себя офисе или корпорации считалось само собой разумеющимся обращать внимание на всевозможные депрессии и стрессы у сотрудников и периодически показательно нянькаться с ними. А в этом времени все по-другому. Не знаю, хорошо это или плохо. Нужно понаблюдать, подумать... Хотя, как отраслевой социальный лифт, этот способ был самый быстрый и простой...

Пока я баюкала уязвленную гордость, меня окликнули:
– Горшкова!

Высокая узколицая шатенка в трикотажном платье караулила возле щита пожарной безопасности. На фоне кроваво-красных средств пожаротушения ее ярко-голубой наряд выглядел по-гогеновски эпатажно:

– Ты почему стенгазету не делаешь? – недовольно поджав тонкие губы, спросила она. – Скоро смотр, а у нас ничего не готово.

– Успею, – отмахнулась я, – еще дня четыре есть.

– Ты совсем вальтанулась, Горшкова? – густо подведенные небесно-голубыми тенями глаза недобро прищурились. – Откуда четыре дня у тебя есть? Послезавтра стенгазета с утра должна висеть.

– Иван Аркадьевич вчера дал мне пять дней. Следовательно, сегодня – четыре, – пожалала я плечами. – До понедельника прекрасно все успею.

– Ты не понимаешь, Горшкова? – изумилась шатенка. – Газета должна уже быть в субботу.

– Почему это? – я начала потихоньку закипать. – Мне сказали в понедельник, значит сделаю в понедельник.

– По кочану это! – лицо девушки сравнялось по цвету с огнетушителем, – в субботу газету нужно повесить. В воскресенье у нас субботник, и никто рисовать тебя не отпустит.

– Подожди, – я капец как удивилась. – Мы что, работаем и в субботу? А в единственный выходной у нас субботник?

– Горшкова, – изобразила боль и страдания шатенка, – в первый выходной апреля у нас всегда субботник. Не сбивай меня. Просто сделай газету, принеси и повесь. И да, гуашь и ватман возьмешь у Звягинцевой.

Я промолчала, переваривая информацию.

– Не столько работы, сколько проблем, – цыкнула шатенка

и удалилась, раздраженно цокая каблучками.

Захотелось взять багор со щита и от души ей вломить, но я сдержалась.

Ну, хоть есть повод помириться с Тоней. Звягинцева – ее фамилия, как помнила я из информации на стенде у бухгалтерии. Кстати, фото этой страдающей от невыносимости бытия шатенки я что-то не припомню. Надо будет еще раз посмотреть. Раз она пытается гонять Лидочку, значит какие-то полномочия имеет. А начальство нужно знать в лицо... даже вот такое.

То, что начальство поминать все нельзя, я убедилась, когда в коридоре вдруг показалась Щука:

– Горшкова! – хлестнул по ушам окрик, и мои барабанные перепонки чуть не порвались. – Где тебя носит? Ты почему не на рабочем месте?

– А меня Иван Аркадьевич вызывал, – ответила я, хотя внутри неприятно ёкнуло.

– А что это ты зачастила к Ивану Аркадьевичу? – узенькие щучьи глазки еще больше сузились. – Бегаешь, наушничаешь...

– Да нет, Капитолина Сидоровна, – излучая человеколюбие и толерантность, медленно произнесла я. – Сначала меня вызвали по сигналу равнодушных коллег, где мы прекрасно познакомились с Иваном Аркадьевичем, и теперь вот обсуждаем рабочие моменты...

– Какие еще моменты?! – тут же взвилась Щука.

– Рабочие. Подробности лучше уточнить у Ивана Аркадьевича... если вам это так интересно...

– И уточню, – резко успокоившись, медоточиво улыбнулась Щука.

– Вот и славненько, – отзеркалила не менее сладкую улыбку я. – Всего хорошего, Капитолина Сидоровна. Пойду работать.

Я шла по коридору и посмеивалась. Ну а что, причинил Щуке гадость – на сердце Лиде радость.

В тонином кабинете, донельзя набитом всевозможными вазонами и больше похожим на дебри Амазонки или мангровые заросли влажных тропиков, стихийно образовалось небольшая толпа, человек пять рабочих, все с бумажками в руках.

– Тоня, а я к тебе, – сквозь галдеж громко сообщила я, тщетно стараясь высмотреть за развесистым фикусом подругу.

– Лида, если не срочно, через минут сорок где-то зайди. Мне нужно с уведомлениями закончить, – раздался голос из зарослей, – а вообще, что ты хотела?

– Я за красками пришла, – пытаюсь не зацепить горшок с особо вонючей гортензией, сообщила я фикусу. – Для стенгазеты.

– Давай я освобожусь и сама тебе занесу? – прошелестела фикусная листва.

Образовавшиеся свободные сорок минут я решила потратить с пользой для себя – заскочила в отдел кадров и написала заявление на отгул на завтра (у Лидочки их накопилось аж на четыре дня). Во-первых, пора сходить в таинственную квартиру на улице Ворошилова и посмотреть, кто там живет, и почему за коммуналку платит Лидочка. Во-вторых, банально хочется отдохнуть, особенно в виду того, что выходных в ближайшее время не предвидится. Ну, и в-третьих (и это, пожалуй, самая главная причина), – мне хотелось сделать эту чертову стенгазету так, чтобы читатели «рыдали от умиления». От конечного результата зависит многое.

Тоня пришла, как и обещала – через сорок минут, прижимая к себе большую коробку с красками и увесистый рулон ватманской бумаги:

– Вот, здесь все, что есть, – сказала она, тяжело сгружая все это добро на стол, – я тебе еще пару запасных листов даю, вдруг испортишь. Если останется – верни, пожалуйста, нам еще к первому и девятому мая стенгазеты готовить.

– Спасибо, – кивнула я. Видя, что Тоня собирается уходить, добавила:

– Тонь, на секундочку, – я быстро вытащила кусок мыла из сумки и протянула ей. – Это тебе, маленький подарочек.

– Что это? – удивилась Тоня, рассматривая презент.

Мыло ручной работы всегда выгодно отличается от обыч-

ного мыла. В первую очередь оно красиво, и при этом удобно. Я постаралась на славу. Густо источающее насыщенный шоколадный аромат мыло-скраб, с одной стороны предназначалось для тела (это где с люфой), а с обратной его можно было использовать как щадящий скраб для лица (который с овсянкой). Перетянутый золотистой атласной ленточкой карминно-коричневый брусок сразу понравился Тоне, и даже очень. Это было видно по вспыхнувшему детским восторгом взгляду. Рассмотрев мыло внимательно, сто раз понюхав, она, наконец, неуверенно сказала:

– Спасибо, Лида, но я не могу его взять...

– Почему это? – удивилась я.

– Ну, оно дорого стоит, наверное... – пробормотала она, – я такого нигде в магазинах не видела. Импортное же. Тебе и самой такое пригодится...

– Ой, да ладно, – отмахнулась я. – У меня еще пару кусков есть. Мне знакомая с Прибалтики много привезла. Вот я и решила с тобой поделиться. Мы же подруги.

– Ну, раз так... – неуверенно протянула Тоня и быстро сунула подарок в карман джинсовой юбки.

Вот и замечательно, первый шаг к примирению сделан. Теперь нужно закрепить:

– Слушай, Тонь, а почему это именно ты краски выдаешь? Ты что, стенгазетами занимаешься?

– Да нет, это Машка опять в декрет ушла, и всю канцелярскую материалку на меня повесили, – вздохнула она. – Мало

мне своей работы.

Минут пять Тоня расписывала мне все тяготы конторской службы. Я в нужных местах только успевала сочувственно вздыхать или поддакивать (в зависимости от контекста).

– Слушай, – понизив голос и оглянувшись на дверь, вдруг сказала Тоня. – По поводу стенгазеты. Там из транспортного что-то невероятное затевают – выпросили у меня аж шесть ватманов. Вот. А технари так вообще, говорят, художника привлекли, и он им там все профессионально нарисует. А Ершова хвасталась, что какую-то статью о Гагарине в библиотеке переписала, и теперь это будет самая лучшая газета. Так что шансов у тебя, Лидка, вообще нет. Особенно зная, как ты рисуешь.

– Да мне как-то фиолетово, – пожала плечами я. – Главное, принять участие.

– Ты что, Лида, – покачала головой Тоня, – Забыла какой у нас «сам» повернутый на всем этом?

– Ага, – хихикнула я. – У нас же всегда так: если проиграешь – дадут втык, если выиграешь – все время стенгазеты рисовать будешь.

– А пошли в столовку? – вдруг предложила мне Тоня. – Если быстро пойдем, то успеем пообедать без очереди.

– Ну, пошли, – неуверенно кивнула я.

Я оттягивала знакомство со столовой до последнего. Начитавшись всевозможных историй в той, прошлой жизни, представляла советскую столовую как большое грязноватое

помещение с хамовитым неопрятным персоналом и липкими тарелками с невнятной едой. Действительность превзошла мои ожидания: было чисто, а женщина в белом халате приветливо поздоровалась. На выбор был борщ или гороховый суп, на второе – макароны с котлетой, пюре с тефтелями или запеченная рыба. Несколько салатов, и главное – сладкий компот, как в детстве. И стоило все копейки. Я с удовольствием нагрнула свой поднос. А еще мы с Тоней взяли себе томатного сока: на прилавке была сероватая крупнокристаллическая соль в граненом стакане, а рядышком, в стакане с водой – несколько чайных ложечек. Чтобы каждый, значит, мог солить на свой вкус.

Мы вернулись с обеда, и я отправилась сразу в кабинет – если заявление на отгул подпишут, то нужно сейчас успеть доделать всю работу. Я уже открывала дверь, когда меня окликнула девушка (имя ее, к своему стыду, не помню, но она точно была из группы поддержки Зои).

– Лида, – крикнула она.

– Что? – обернулась я.

– Тебе звонили...

Сердце нехорошо заныло.

– Кто? – прошептала я.

– Да Горшков твой, – хихикнула она. – Просил тебя позвать, но ты уже ушла на обед.

Горшков! Моя персональная головная боль...

Квартира № 21 в доме 14 по улице Ворошилова встретила меня звенящей тишиной. Я позвонила в дверь, долго никто не открывал, хотя изнутри можно было уловить какие-то звуки, шебаршение, поскрипывание, вздохи.

Примерно через минут десять, когда мое терпение таки лопнуло и я стала решать – уходить домой или попробовать всё выяснить у участкового, дверь вдруг медленно-медленно приоткрылась. Пахнуло спертым воздухом давно непрветриваемого помещения. Я заглянула в полумрак прихожей – там никого не было. А дверь продолжала открываться дальше. Сама! Вдруг явственно послышалось какое-то сопение. У меня волосы встали дыбом, а сердце застучало где-то в горле со скоростью отбойного молотка. С полупридушенным всхлипом я отскочила обратно, в спасительный свет подъезда.

– Тётя, ты ко мне пришла в гости? – вдруг послышался тоненький голосок, с присюсюкиванием.

И тут я, наконец, посмотрела вниз и увидела – из-за двери застенчиво выглядывала маленькая черноглазая девочка, примерно лет четырех. Донельзя замурзанная, в полуспущенных застиранных колготках и байковой кофточке некогда желтого цвета, заляпанной вареньем и кашей. В спутанных до состояния войлока черных волосенках сиротливо болтался полуразвязанный гипюровый бант. При этом де-

вочка выглядела довольно упитанной и щекастенькой.

– Тётя! – она нетерпеливо дернула меня за подол пальто.

– Что? – наклонилась я к ней.

– А что ты мне принесла? – букву «Р» она выговаривала через раз, видимо только научилась и еще не всегда могла ее правильно применять.

– Ты кто? – спросила я. – И где твоя мама?

Блин, у меня даже конфетки для нее и то нет.

– А мамы нету! – заявила малявка, развернулась и устремилась куда-то внутрь квартиры.

– Ты сама? – крикнула я вглубь квартиры, но ответа не последовало.

Я в одиночестве осталась стоять у раскрытой входной двери.

Дурацкая ситуация, я совершенно растерялась: с одной стороны, нужно все выяснить, с другой – как еще посмотрят родители на то, что чужой взрослый человек будет в их квартире наедине с их ребенком в их отсутствие? А с третьей стороны, раз за коммуналку этой квартиры плачу я, значит я (точнее Лидочка Горшкова) не совсем посторонний человек и имеет право, как минимум, выяснить, что здесь творится.

Убедив себя таким вот образом, я вошла внутрь.

Взгляду предстала большая двухкомнатная квартира, донельзя захламленная и нечистая. Здесь, видимо, не убирались лет сто. На столике перед пыльным зеркалом с разводами от помады громоздились десятки флаконов с духами

и одеколонами, пузырьки с каким-то непонятным содержанием, большие коробки с тенями (или красками?) всевозможных расцветок, засохшие букетики цветов в пыльных вазах. Одежда, в основном женская, огромными грудями валялась прямо на полу, свисала со стульев. Раскрытые дверцы шкафа демонстрировали такое же забитое мятой одеждой содержимое. Венцом экзистенциального перформанса являлась ажурная шляпа со страусовым пером и вуалью, которая вместо абажура висела на сломанном торшере.

Во второй комнате была только большая незаправленная кровать и валялся перевернутый стул (очевидно, упал под весом наваленной одежды). На смятом комке одеяла сидела девочка и, высунув от усердия язык, губной помадой рисовала каляки-маляки на застиранной простыне.

– Ты что это делаешь? – ласково спросила я, чтобы не напугать ребенка.

– Мясюю рисую, – радостно выпалила девочка, тут же соскочила с кровати и продолжила рисовать «мясюю» на обоях.

– Тебя как зовут? – продолжила попытку познакомиться поближе я.

– Светка! – девочка со смехом запрыгала вокруг меня на одной ножке.

– А фамилия у тебя какая? – я все еще не теряла надежду выяснить непонятки.

– Светка–пипетка–нехорошая детка! – довольно выкрик-

нула девочка, затем откусила кусочек помады и протянула остатки мне: – На!

Я аккуратно, стараясь не испачкаться, взяла помаду и пристроила ее на подоконнике.

– Выплюнь! – предложила я ребенку. Светка с готовностью плюнула в меня куском помады. Я еле успела отклониться, иначе пятно на пальто было бы обеспечено.

– Так делать нельзя, – строго заявила я, на что девочка отрицательно покачала головой и сообщила:

– Зя!

– Так как твоя фамилия, Светочка? – опять повторила я.

Ответ поверг меня в шок:

– Горшкова-а-а! – жизнерадостно крикнула Светка, показала мне перепачканный помадой язык и, чуть задумавшись, добавила. – Бяка-масяка!

Пока я пыталась отрефлексировать и сложить дважды два, входная дверь скрипнула и в квартиру вошла красивая молодая женщина. Глядя на нее, я сразу поняла, какой станет Светка-пипетка, когда вырастет.

Издавна существует типаж «демонической женщины». И каждый вкладывает в этот образ что-то свое: у Паустовского – обязательно «скачущая верхом на бешеном караковом жеребце, сидя на нём по-мужски», у Тэффи она непременно любит надеть «пояс на голову, серьгу на лоб или на шею, кольцо на большой палец, часы на ногу», у Достоевского это

исключительно красавица, у современных авторов – суккуб или ведьма. Но все отмечают ее некую мрачную до мучительного отвращения притягательность.

Появившаяся в квартире женщина суккубом не была, да и серьги у нее висели в положенном месте, но вот что-то эдакое неуловимое, то ли инфернальный блеск в миндалевидных с поволокой глазах, то ли тяжелая в два обхвата иссиня-черная коса, перекинутая на грудь, сразу давали понять – это именно она, «демоническая женщина».

Не дав мне произнести ни слова, демоническая женщина с надрывом воскликнула:

– Я же сказала, за ремонт отдам деньги на следующем месяце!

Видя, что я не отреагировала никак, демоническая женщина, заломила руки:

– Зачем же вы ходите?! Вы же видите, – она широким жестом обвела захламленную комнату, – у меня ничего нет! Ничего!

– Оличка! – кинулась к ней Светка, и зарылась в подол явно импортного плаща. – Тётя хорошая.

– Так вы не из управы? – округлила глаза женщина. – В смысле не из ЖЭКа?

– Ннет, – покачала головой я.

– И не от Василия? – с затаенной надеждой продолжила вопрошать она.

– Нет, – уже более твердо произнесла я.

– О! – радостно захлопала в ладоши та, – это же прекрасно! Прекрасно!

Она сбросила в сторону опрокинутого стула плащ, и, оставшись в темно-синем узком платье с расшитыми серебряной люрексовой нитью рукавами и воротом-стойкой, плюхнулась на кровать, нимало не смущаясь наличием там каляк-маляк от помады, и оживленно продолжила:

– Вы только представьте! Эти ужасные отвратительные люди... соседи снизу требуют, чтобы я поменялась с ними квартирой! – она слегка наморщила лоб, – так вы точно не из управы?

– Нет, не из управы, – подтвердила я, – и точно не от Василия. А вы мать Светы?

– Это Оличка! – возмущенно крикнула мне Светка и принялась с громким треском отламывать кукле руку.

– Светлана! – поморщилась женщина, – прекрати шуметь, пожалуйста. – У меня опять мигрень начнется.

Светка послушно переключилась на менее громкое выдергивание остатков кукольных волос.

– Не говорите так! Не люблю, когда меня так называют, – с виноватой полуулыбкой развела руками «демоническая женщина», – мы с отцом Светланы познакомились на первом курсе культпросвета, все так быстро завертелось, молодые были... Затем он ушел, а я должна расплачиваться за нашу ошибку одна. Знаете, как мне тяжело...

– Ольга, извините, но... – начала я, но была категорически

перебита:

– Ну что вы, какая же я вам Ольга? – с тихой полуулыбкой взмахнула ресницами «демоническая женщина». – Называйте меня Олечка.

«Да чёрт с тобой, хоть бурундуком», – внутренне я уже начала злиться, но виду не подала:

– Олечка, а вы живете здесь, в этой квартире?

– Но вы же видите?! Видите?! – Олечка подскочила с кровати и, нервно ломая руки, заходила туда-сюда по комнате. – Разве это жизнь?! Я – творческий человек, мне нужно много репетировать, а эти мерзкие соседи, они же совсем не понимают, что искусство...

– Я-то вижу, – мне опять пришлось прервать Олечкину экспрессию, – но вы не ответили на вопрос: вы живете в этой квартире? Вы здесь прописаны? Это ваша квартира?

– Да, я здесь живу, – наконец-то насторожилась Ольга. – В каком смысле «прописана»?

Она вся моментально подобралась и пристально глянула на меня:

– А вы собственно кто? Вы же сказали, что не из управы? Почему я должна вам отвечать?

– Я не из управы, – как можно дружелюбнее ответила я. – Сначала ответьте, а я потом всё расскажу.

– Нет! – топнула ножкой, обутой в изящную лакированную туфельку Олечка – Я не буду ничего отвечать! Уходите! Сейчас же!

– Ольга, послушайте... – попыталась достучаться до нее я, но «демоническая женщина» слушать меня не захотела и буквально выпихнула на лестничную площадку.

Глядя на захлопнувшуюся перед моим носом дверь, я задумалась. То, что дамочка не прописана в этой квартире – и ежу понятно. Если я оплачиваю счета за квартиру, значит именно я имею к ней какое-то отношение. Или же Горшков. И вторая загадка – я не смогла выяснить, что связывает демоническую Оличку, Светку и Горшкова, кроме общей фамилии. В то, что Светка не дочь Лидинового супруга, ясно с первого взгляда. Ну не станет экзальтированно-полубогемная «Оличка» яшкаться с жухлым Горшковым. И я тем более никогда не поверю, что на первом курсе он был прям весь такой мачо-мачо, а потом внезапно так конкретно увял. Да и вряд ли Горшков, который не может съесть котлету без гарнира и впадает в истерику от неидеально выглаженной рубашки, смог бы хоть один день выжить рядом с такой «хозяйшкой».

Нет, нужно всё конкретно выяснять, и не тянуть. Я решила наведаться в жилконтору, квитанция у меня с собой есть, и попробовать повывяснить еще там. Вдруг повезет.

Из подъезда я вышла, шурясь от света: сегодняшней апрельский денек выдался прелестно солнечным. Почки на кустах сирени уже стали лопаться, на клумбах кое-где расцвели первые тюльпаны, и пчелы с деловитым жужжанием наперегонки суетились вокруг них. Пахло свежей землей и предвку-

шением чего-то эдакого.

Я на секунду залюбовалась на какую-то особо скандальную птичку, которая азартно прыгала по веточке и пыталась прогнать всех остальных, когда рядом раздалось покашливание:

– Добрый день, – проскрипел голос, и я обернулась. Рядом со взрыхлённой клумбой стояла, тяжело опираясь на грабли, старушка в шерстяном платочке и плюшевой безрукавке, и с внимательным любопытством разглядывала меня.

– Добрый день, – ответила я.

– А вы к кому? – без обиняков задала вопрос она.

– Да вот в квартиру № 21 приходила...

– Аааа, к Горшковой, – неодобрительно нахмурилась старушка и покачала головой.

– Ага, – кивнула я. – К Ольге. Как там ее по отчеству?

– Сергеевна, – подсказала старушка, – а что она еще натворила?

– Еще? – заинтересовалась я.

И старушка вывалила на меня ворох информации: оказывается, Ольга поселилась пару месяцев назад, за ребенком особо не следила, зато уже трижды залила соседей снизу. Теперь они требуют поменяться квартирами.

– И поет так громко по вечерам, – наябедничала старушка, – людям спать надо, на работу рано вставать, а эта всё голосит и голосит. И нет же, чтобы хорошее что-то спела, про войну там, или про любовь, так она просто завывает и завывает.

вает. Тьху, гадость какая, а не пение!

Я сочувственно повздохала, и воодушевленная старушка продолжила:

– Раньше-то здесь Зинаида Валерьяновна жила, царство ей небесное, месяцев пять как не стало, – она украдкой мелко перекрестилась и добавила, – хорошая соседка Зинаида была, душевная, она маляром у нас работала, а как совсем на пенсию вышла, так быстро и преставилась. Квартиру, говорят, отписала на какую-то племянницу, своих-то детей у них с Фёдором не было, а где та племянница, незнамо.

– А Ольга эта... Сергеевна откуда взялась? – меня распирало любопытство. Очевидно, что племянница и Лидочка – одно лицо.

– Да вот непонятно, – развела руками старушка, – приехала и живет здесь, как у себя.

– Но она же не прописана?

– Конечно не прописана, – кивнула старушка, – еще же полгода после смерти Зинаиды не прошло.

– А участковый куда смотрит?

– Так дело в том, – старушка воровато оглянулась вокруг и, наклонившись ко мне, тихо зашептала, – ходит к ней опиюз один, говорят, обкомовский. Так кто же с ней связываться-то будет? Семён, участковый наш, разок было сунулся и все.

– А соседи снизу?

– Да у них выхода нет, – вздохнула старушка, – Наталья

только-только ремонт сделала, обои поклеила, а эта ее сразу и затопила. Она опять все по-новой перебелила – так та опять затопила. А когда на третий раз текло так, что аж полный подвал воды был, Наталья и не выдержала, скандал ей такой устроила, что кошмар.

– И чем все закончилось?

– Да ничем, – отмахнулась старушка, – опиус ейный там порешал что-то, Наталья и молчит, сколько мы ее ни спрашивали.

Распрощавшись с дотошной старушкой, я заторопилась домой. Нужно искать документы на квартиру, да и Горшков рано или поздно объявится и нужно спланировать непростой разговор. Но главное – я тут проходила полдня, а дома меня ждет эта чёртова стенгазета.

На обратном пути я заскочила на переговорный пункт: в разгар рабочего дня очередь была небольшая – лысоватый дедок, нервно мнущий в руках клетчатую кепочку, молодая мамочка с карапузом и тощий мужчина в короткой джинсовой куртке. Так что скоро меня уже вызвали в кабинку, где со второй попытки удалось дозвониться в секретариат «Все-союзного астрономо-геодезического общества» (ВАГО).

На том конце провода долго-долго шли гудки, но потом прокуренный женский голос равнодушно подтвердил, что таки да, меня взяли в члены общества, (ура-ура), но билет пришлют только на следующей неделе, так как какой-то там

ответственный товарищ в отъезде, а без него поставить печать ну никак нельзя. Тем не менее, я в списках уже есть и, значит, официально состою в ВАГО. Отлично! Я практически полноценный астроном-любитель, во всяком случае у меня теперь есть формальное подтверждение.

В ВООП («Всероссийское общество охраны природы») я дозвониться так и не смогла. Ну, и ладно, не всё сразу.

Глава 4

Еще не проорал гудок, как моя стенгазета уже скромно висела, теряясь на фоне разноцветного обилия стенгазет из других отделов. Стена пестрела красочными листами и яркими надписями к не менее ярким рисункам. Да, Тоня была права, некоторые стенгазеты были выполнены профессионально, другие – с выдумкой и размахом. Честно говоря, моя экспрессией и масштабностью особо не поражала. Я всегда страдала художественной (и не только) жопорукостью, поэтому ставку пришлось делать на содержание, а не на форму.

Газету я назвала примитивно, но ёмко: «Шаровая молния». Ниже заголовка, чуть помельче – *стенгазета, посвященная Дню космонавтики*. Сверху прилепила вырезанный из какой-то газеты портрет Юрия Гагарина с фирменной улыбкой и в две строчки переписала краткую официальную информацию о празднике.

Затем визуалью разделила формат на несколько частей.

Первая часть у меня называлась тупо «*Космос*». Там я написала, что советские люди, впервые в мире полетевшие в открытый космос, потенциально могут столкнуться с такими неизвестными явлениями, как НЛО. Порассуждала о том, что же это может быть – летающий объект с пришельцами или же атмосферное явление, и существует ли вообще внеземной разум.

Во второй заметке под названием: «*Сверхъестественное или мракобесие?*» я описала несколько случаев внезапных исчезновений людей, упомянула про круги на траве, мертвые пятна на полях с кукурузой в Аризоне и Бермудский треугольник. Отметила, что некоторые американские ученые высказывают предположения, что за всеми этими событиями стоят именно НЛО. И изобразила кривоватую летающую тарелку.

Третья часть под названием «*Есть ли пришельцы среди нас?*» была о том, похожи ли гуманоиды на людей и, если похожи, то как их отличить в толпе, и вообще – есть ли они среди нас. Привела несколько примеров из истории, упомянула о Калиостро и Нострадамусе, и что некоторые люди верят в версию, что вышеупомянутые товарищи тоже вполне могли быть пришельцами. Чуть ниже я попыталась нарисовать гуманоида-пришельца, но у меня вышло нечто усредненное между мордой пекинеса и портретом Клавдии Брониславовны в профиль.

В четвертой статье я расписала версию о том, что в Древнем Египте пирамиды построили тоже пришельцы, иначе почему же с тех пор больше ничего подобного там не было. Упомянула также и о пирамидах майя и высказала предположение, что если начертить равнобедренный треугольник, то третьей пирамидой будет гора Кайлас. Приклеила вырезку из школьной контурной карты, где от руки нарисовала пресловутый треугольник.

Пятая часть была посвящена всевозможным суперспособностям, которые, по версии тех же американских учёных, в обязательном порядке должны проявляться после встречи с пришельцами.

Внизу, в правом углу, мелкими буквами написала: Горшкова Л.С., действительный член Всесоюзного астрономо-геодезического общества.

Я надеялась, что неизбалованные жареными фактами из желтой прессы и фейками из сетей умы воспримут этот бред с интересом, а руководство больше поручать мне подобные задания не будет.

И вот настал час «икс», я сиротливо томилась возле стенда с графиком каких-то мероприятий, делая вид, что мне очень надо. А сама искоса поглядывала на читателей стенгазет: вот лысоватый дядечка равнодушно поглазел на яркую листовку метеорологов, скользнул взглядом по стенгазете из бухгалтерии, и, дойдя до моей, остановился и начал читать. Через миг, рядом притормозила тетя Фрося, уборщица, и тоже зависла возле моей газеты, водя пальцем по строчкам. Видя это два мужика сразу подошли прямо к «шаровой молнии» и тоже стали читать. И вот буквально через несколько минут возле моей стенгазеты было уже целое столпотворение, люди читали, вытягивая шеи и толкаясь. Кто-то сзади не выдержал и закричал:

– Читайте вслух!

Рыжая женщина в очках начала громко читать. Когда последняя строчка была озвучена, поднялся невероятный шум, каждый пытался высказаться, споря и перебивая друг друга.

В результате все разделились на два лагеря: одни доказывали, что все это чушь и ерунда, другие отстаивали возможность существования внеземных цивилизаций, вместо аргументов приводились воспоминания каких-то бабок, жизненные случаи и даже старинные легенды, описанные еще Гоголем.

Какая-то толстая женщина в косынке и синем рабочем халате вспомнила, как рожала и что у нее было видение, что за ней наблюдают, а рожала она на четвертом этаже, значит наблюдали однозначно пришельцы. Другая ей оппонировала, что ее Васька как пойдет играть в домино с дружками у гаражей, то каждый раз домой приползает как пришелец.

В коридоре поднялся такой гвалт, что ничего не было слышно.

– Что тут происходит? – послышался бас Ивана Аркадьевича.

– Да вот, стенгазеты читаем.

– И давно у вас такой интерес к советским стенгазетам? – хмыкнул Иван Аркадьевич.

– Так это мы «Шаровую молнию» читаем!

– Интересно!

– А ну-ка, а ну-ка, – заинтересовался Иван Аркадьевич, – позвольте, товарищи, я тоже погляжу.

Товарищи нехотя расступились, и Иван Аркадьевич начал читать, все больше и больше хмурясь.

– Горшкова, значит, – произнес он таким тоном, что я поёжилась и предпочла незаметно ретироваться.

Каблук таки отвалился.

Горемычная туфля отечественной фабрики «Скороход», продукция которой отличалась редкостным пофигизмом к вывертам погоды и состоянию дорог, все-таки потерпела сокрушительное фиаско в борьбе с временем.

Ну, вот как Лидочка могла так себя не любить? У Горшкова – четыре пары туфель, я уже не говорю о разных ботинках и прочих сандаликах, мокалинах и кедах. А у Лидочки – одна пара на все случаи жизни. Чем дальше, тем интересней. У меня накопилось уже тысяча вопросов к Горшкову. Звонил, гад, но на глаза так и не показывается. Я же не знаю адрес его мамы, или где он там обитает, а разговорчик-то давно назрел. С Горшковым надо решать кардинально. С лучезарно-творческим человеком Оличкой – тоже.

И вот как теперь я пойду домой? Денег нет, до полочки непонятно сколько ждать, придется занимать... додумать я не успела, скрипнула дверь и в кабинет заглянула Тоня:

– Привет, Лида, – улыбнулась она, – ты представляешь?! Все только и обсуждают твою стенгазету! Ой, а Щука, говорят, так орала!

– Да пусть ее, – отмахнулась я, разглядывая злополучную

туфлю. – Тонь, одолжи на новые туфли, не знаю, сколько, но до дома я точно не дойду.

– Ого! Конечно одолжу, Лида. У меня только четыре рубля есть, но я в кассе взаимопомощи возьму. До полочки нормально, никто не узнает. В «Военторге», Ленка говорила, опять югославские туфли выбросили, бордовые и синие, и их не разбирают – там размеры маленькие остались. Тебе как раз будут. Может, повезет. Купи сразу хорошие, чтоб надолго хватило. А Горшкову своему скажешь, что в комиссионке взяла.

– Не буду я ни перед каким Гошковым отчитываться, – хмыкнула я. Похоже о жадности Лидочкиного супруга знала даже Тоня.

– Лида, я вот что хотела спросить... – замялась Тоня.

– Да говори, что там случилось?

– Не знаю, как сказать...

– Тонь, говори, как есть, а там разберемся, – сурово припечатала я.

– Лид, ты мне вот то красивое мыло подарила, – зарделась Тоня, – я не удержалась и девчонкам похвасталась. Слушай, ты же говорила, что у тебя еще много есть?

– Ну, предположим, есть, – кивнула я. – А что?

– Да у нашей Швабры день рождения скоро, мы тут думали-думали – ей же не угодишь, сама знаешь, – закручинилась Тоня. – А такой подарок ей понравится. Может продашь кусочек?

– За сколько? – прищурилась я. А внутри приятно ёкнуло.

– Мы скинулись, 23 рубля есть.

– За пятнадцать отдам, – кивнула я, примерно прикинув расценки. – Импортное ведь. И экологически-чистое.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась Тоня. – Еще цветы и конфеты на остальные купим. Давай я тебе сразу тогда деньги отдам, а ты завтра не забудь принести.

– Замечательно, – кивнула я, внутренне ликуя, – Тонь, у меня еще пару кусков осталось. Мне это мыло не подходит, аллергия, поэтому я могу отдать все. Спроси, если кому надо. Возьму по пятнадцать, а ты сама смотри.

Тоня зарделась:

– Лида, подожди, я сейчас, – и выскочила из кабинета.

Не успела я напечатать две страницы текста, как Тоня вернулась:

– Сколько у тебя есть? – еле отдышавшись, спросила она.

– А сколько надо? – по-еврейски, вопросом на вопрос ответила я.

– Ну, всего, конечно девятнадцать хотят, но, я же понимаю, что столько нет, но хотя бы пять, – взволнованно вздохнула Тоня. – Там вся бухгалтерия, ты же понимаешь...

– Хорошо, – кивнула я, – завтра будет пять, а в понедельник – остальные четырнадцать. Цену они знают? Это же рижская фабрика совместно с Францией и Италией. Последний писк моды.

– Ага, – кивнула абсолютно счастливая Тоня.

– Болтать не будут?

– Да ты что? – замахала она руками, – никогда и нигде!

– Хорошо, – согласилась я. – И вот что еще, Тоня, если кому-то нужно будет еще такое мыло – ты бери на список, а я своей родственнице скажу, и она еще привезет. И, возможно, даже другие сорта.

– Прекрасно, – обрадовалась довольная Тоня.

После ухода подруги, я потирала руки, подсчитывая будущую прибыль, как дверь опять скрипнула и в кабинет заглянул смутно знакомый очкарик с прилизанными жирными волосенками и в усыпанным перхотью мятом пиджаке:

– Лидия Степановна, – вкрадчиво протянул он, – я по поводу штатного... на шестой вагоноремонтный участок...

У меня в голове щелкнуло, и я вспомнила его – это же первый человек, который встретился мне в этом мире.

– Помню, помню, – согласилась я, – но мы же вроде как договаривались к понедельнику, если не ошибаюсь?

Мужичок кивнул и покраснел.

– А сегодня только суббота, – осторожно напомнила я. – Вы, никак, перепутали дни?

– Да нет, нет же... – замялся мужичок. – Понимаете, как бы это сказать...

– Так и говорите, – велела я, вставляя новые листы, переложенные фиолетовыми копирками, в печатную машинку.

– Говорят, что вас увольняют... – мужичок вспотел и замялся, – а штатное очень надо. В трех экземплярах.

– Вот как? – удивилась я, пытаюсь оттереть пальцы, испачканные копирками. – Кто говорит? И по какому поводу меня увольняют? Любопытно, знаете ли...

– Капитолина Сидоровна говорила, – смутился очкарик. – Я собственно вчера приходил, но вас не было, я испугался, что вас уже уволили, а штатное не напечатано...

– Замечательно, – прокомментировала я и выбросила испачканный носовой платок в корзину для мусора. – Значит, Щука меня решила уволить. Простите, уважаемая Капитолина Сидоровна, конечно же. И даже поделилась этим радостным известием с коллективом. Любопытно, а по какому поводу, не знаете, случаем? Мне она как-то не сообщила. Запомню, видимо.

– Меее, – невнятно забормотал вконец оробевший очкарик.

– Ну, в принципе, всё ясно, – усмехнулась я. – Вот что я вам скажу, коллега. Вчера меня не было по причине выходного. Пришлось, знаете ли, взять отгул, чтобы сделать стенгазету к Дню космонавтики.

– Я видел, – облегченно разулыбался товарищ, радуясь, что соскочил с неприятной темы. – Очень интересно.

– Так вот, коллега, – я совершенно не знала его имени-отчества, поэтому пришлось импровизировать и выкручиваться. – Даже если наша достопочтенная Капитолина Сидоровна меня таки уволит, то как минимум она обязана меня ознакомить с приказом под подпись, это – раз, во-вторых, там же

еще отработка полагается, если не ошибаюсь, от трех дней до двух недель. Поэтому приходите в понедельник – и будет вам штатное в трех экземплярах. Клянусь КЗОТом!

Когда взопревший очкарик, наконец, удалился, я открыла окно, так как дышать в тесном кабинете от его едкого запаха стало вообще невозможно. Не моется он, что ли? И антиперспирантом не пользуется, уж точно.

В обеденный перерыв мы с Тоней отправились в «Военторг» покупать мне импортные югославские туфли. Невзирая на неудобную обувь (попробуйте походить в туфле без каблука!), настроение у меня было приподнятым. В той, прошлой, жизни я была ужасной шмоточницей. Нет, я не скупала одежду килограммами, просто любила хорошо одеваться. Лидочка фигурой не вышла, видимо поэтому махнула на себя рукой. Я, пока не похудею, с гардеробом решила особо не заморачиваться – у Горшкова вон рубашек полно. Но обувь должна быть качественной, и ее нужно много. Красивой и функциональной. Так что югославские туфли – самое то.

Магазин «Военторг», к моему невероятному удивлению, к армейским товарам никакого отношения не имел, да что говорить – там даже из туристического снаряжения, кроме каких-то веревок и свертков больше ничего не было. Зато обувь и одежда продавалась как для взрослых, так и для детей. И даже мыльно-рыльной косметикой там торговали. Видимо, «Военторг» – историческое название, а так – обычный

универмаг.

Продавщица оказалась бывшей Тониной соседкой, поэтому разулыбалась нам, как родным. Откуда-то из-под прилавка были вытащены две коробки с неплохими замшевыми лодочками на невысоком каблучке. Как и говорила Тоня, синего и бордового цвета. Я померяла обе пары, но на толстеньких лидочкиных ножках эти туфли смотрелись как калоши «прощай молодость».

– А других моделей нет? – с тайной надеждой спросила я. На меня все уставились, как на идиотку.

– Бери синие, – дернула меня за рукав Тоня. – Под всё подойдут. Скажи ей, Люда!

– А я бы советовала бордовые, – не согласилась продавщица, – такие не часто в продаже бывают, так что будет эксклюзив.

Слово «эксклюзив» она произнесла подчеркнуто, мол, смотрите, какие я слова знаю.

– Точно ничего больше нету? – упавшим голосом повторила я. Хорошее настроение начало стремительно таять. За такие деньги и купить калоши – особо радости не прибавило. Но и ходить без каблучка невозможно, так что, видимо, придется брать, что дают.

– Ой, у тебя же размер маленький, – вдруг вспомнила Люда, – подождите, девочки, я сейчас гляну.

Она метнулась куда-то в подсобку, и через пару минут вынесла коробку:

– Вот, единственные остались, – она открыла коробку и вытащила апельсиново-оранжевые замшевые лоферы. – Размер маленький и расцветка слишком яркая. А так они удобные. Хотя цена кусается. Австрийские. Будешь мерять?

– Ага, – я влюбилась в них с первого взгляда. Они замечательно сели, и я решила купить.

– Ну вот зачем? – всю дорогу шпыняла меня Тоня, – да за такие деньги можно было и синие, и бордовые взять.

Я с улыбкой отмахнулась и украдкой полюбовалась обновкой. Настроение опять поднялось, и это было хорошо. Сейчас мне предстояла кровавая разборка со Щукой. И, кажется, я знаю, где взять денег.

Однако разборку пришлось категорически отложить.

Нет, не потому что я струсилась и всё такое, просто так сложились обстоятельства. Но, очевидно, здесь лучше по порядку.

Когда я, окрыленная апельсиновой обновкой, возвратилась в свой унылый кабинет и так села печатать зачуханному товарищу вожделенное штатное расписание в трех экземплярах, и заодно обдумать приемлемые варианты разговора со Щукой, дверь открылась и вошла Зоя. Сегодня на ней был трикотажный тюрбан чернильного цвета, который оттенял ее неестественную бледность. Плаксивым голосом она протянула:

– Лида, купи билетик?

– В лотерею не играю, – раздраженно отмахнулась я, так как заглядевшись на лотеры, которые мне жутко нравились, сунула обе кофирки не той стороной и теперь пол-листа придется перепечатывать. Хорошо хоть сразу заметила.

– Не в лотерею, – сдавленно всхлипнула Зоя, – В Минеральные воды.

Сказать, что я удивилась – это мягко сказано.

– Зоя, а зачем мне в Минеральные воды? – я аккуратно переложила новые листы писчей бумаги кофирками уже с правильной стороны, и даже проверила ногтем, чтобы убедиться. – Мне и здесь нормально.

– Ну, там же рядом Кисловодск, Ессентуки. Здравницы всесоюзные.

– Ничего не понимаю, – вздохнула я, торопливо отбивая текст. – Путевки у меня нету, а ты вдруг предлагаешь билет на поезд.

В общем, оказалось, что Зоя получила путевку в санаторий Кисловодска на конец мая. А билетов в железнодорожном вокзале на это время уже не было. Тогда Зоя обратилась к какому-то знакомому и попросила его посодействовать. Товарищ не подвел и помог с билетом. Но, дело в том, что одновременно Зоя решила подстраховаться, и ее муж тоже попросил кого-то из влиятельных знакомых поискать билет. И тот тоже помог. В это же время свекровь Зои через какую-то двоюродную сестру приятельницы тоже достала билет. Апогеем этой истории стало то, что внезапно очнулся

наш профсоюз и тоже предоставил Зое билет. И вот теперь у Зои целых четыре билета и что с ними делать она не знает. Цена недешевая, а в кассе обратно по той же цене не принимают.

Я, конечно, Зое посочувствовала, но помочь ничем не могла: в Кисловодск мне не нужно, да и денег нет от слова совсем, а тут еще оказалось, что одна из копирок истерлась и часть текста получилась блёклой, почти белой.

– Да что ж за напасть такая! – психанула я, сминая листы. – Опять придется всю эту галиматью перепечатывать!

Я выдернула ящик стола с канцеляркой и убедилась, что копирок у меня больше нет, да еще из-за рывка крышка ящика совсем отвалилась и больно стукнула меня по ноге. Вообще замечательно!

– Зоя, ты не знаешь, где взять новые копки? – пытаюсь успокоиться, спросила я.

– Так канцелярку будут только в следующем квартале выдавать, – меланхолично заметила Зоя, пребывая в мире своих собственных горестей.

– Ну, и как я теперь работать буду? – раздраженно пожаловалась я и швырнула использованную копку в мусорное ведро.

– В смысле «как»? – удивилась Зоя. – Зачем выбросила? Восстанови и печатай дальше.

Оказалось, есть специальный секрет: с помощью легкого нагревания можно реабилитировать копку и какое-то вре-

мя еще использовать. Текст, правда, будет уже не столь четким, но зато так ее на дольше хватит.

Нет, этим я заниматься точно не хочу! Как и приклеивать каблук к старым туфлям! И стирать пакетики не хочу! И штопать капроновые колготки! Не хочу!

Так, нужно срочно задружиться с кладовщиком, или кто там в депо над всем барахлом царит, и обзавестись нормальной канцеляркой, узнать о судьбе положенного мне калькулятора и что там еще конторской служащей полагается.

Пытаясь унять раздражение, я выпроводила Зою из кабинета, еще чуток полюбовалась оранжевыми лоферами, и отправилась выпрашивать новые копирки у Тони.

Среди безмятежного уюта вечнозеленых фикусов и цветущих гортензий царили анархия, хаос и беспорядок. Растрепанные сотрудницы куда-то бежали, суетливо тащили пухлые папки, подшитые листы и огромные кипы бумаг. Все шкафы были распахнуты настежь и вокруг раненой чайкой кружилась дородная тетка, зорко отслеживая, как оттуда поочередно кто-нибудь что-то доставал и куда-то уносил. Каждый раз тетка с горестными причитаниями что-то отмечала в пухлую тетрадь в коленкоровой обложке, и при этом все три ее подбородка жалобно вздрагивали. Вдобавок все вокруг орало и вопило так, что понять хоть что-то было совершенно невозможно.

Осторожно, бочком, стараясь не наколоться на особо ед-

ко-щетинистую опунцию, я искала глазами Тоню. Ни под сенью лимонных деревьев, ни возле островка с фиалками ее не было. Наконец, я догадалась посмотреть вниз и обнаружила Тоню, почему-то под столом. Оттуда она яростно вытаскивала перевязанные бечевкой ящички и коробочки, которые немедленно забирала другая сотрудница и уносила прочь.

– Тоня, – шепотом позвала я, – вы что, всем кабинетом переезжаете?

– Хуже, – хрипло откашлялась от пыли Тоня, вылезая из-под стола и вытирая вспотевший лоб рукавом. – У нас внезапно ревизия, чтоб ее!

– Во как, – посочувствовала я. – А кого еще из наших проверяют?

Оказалось, что наш отдел в этот раз беда обошла стороной, но Щука все равно бегаёт. Порадовавшись, что нас нынче не тронут, я выпросила у Тони копирки и отправилась к себе.

В коридоре я издали увидела небольшую толпу всевозможных руководящих работников, которые наперебой, рассыпаясь улыбками и шуточками, почтительно вели высокую тощую женщину и приземистого мужичка с портфелем в дальний кабинет, откуда доносились умопомрачительно вкусные запахи балыка и шпротов.

Постаравшись не попасться им на глаза, чтобы не загру-

зили каким-нибудь поручением, я торопливо прошмыгнула в боковой коридор...

Не знаю, то ли мой лимит мелких напастей на сегодня исчерпался, то ли все оказались плотно заняты проверяющими, а может и потому, что конец рабочей недели (субботник завтрашний не считается) – но больше в этот день мне никто не помешал допечатать штатное. В трех экземплярах, итить его.

По дороге домой я заскочила в гастроном – хотела взять десяток яиц, чтоб не заморачиваться с ужином, но почему-то не было. В продуктовом, на углу, кстати, тоже не было. В хлебном долго выбирала между батоном и серым, решила взять серый и что-нибудь на сладкое. Попью чай и вообще не буду ничего готовить, устала. Когда оплачивала большой круглый кекс с изюмом, продавщица как-то странно на меня взглянула. Ну, да, Лидочка, конечно, отнюдь не модель, но пусть сперва на свои габариты посмотрит.

Настроение испортилось.

Возможно поэтому я не очень радостно встретила Римму Марковну, которая по обыкновению заглянула ко мне. Я только-только разделась и поставила чайник на плитку, как явилась соседка:

– Здравствуй, Лидочка.

– Добрый вечер, Римма Марковна, – кивнула я, – а я как раз чаю решила попить. Присоединяйтесь. Минут через пять

вскипеть должен.

– Да я вот, – замялась она и вдруг покраснела, – спросить тебя хотела... только между нами. Я, конечно, знаю, ты никогда никому, но всё равно...

– Какие вопросы! – встревожилась я, – говорите, Римма Марковна, чем смогу – помогу.

– Лида, у тебя яйца есть? – вдруг спросила она, нервно щелкая костяшками пальцев. – Штук семь бы. Или сколько есть.

Мдя, вообще-то я ожидала чего-то более ужасного.

– К сожалению, нету, – я попыталась сделать вид, что все так и должно быть (да уж, старческая деменция – это всегда грустно). – Я могу котлеток пожарить, фарш еще есть. Хотите? Я быстро.

– Да нет, – расстроилась Римма Марковна, – не надо котлеток. Мне яйца нужны. Глупая я, а с возрастом становлюсь еще дурнее... совсем запамятовала... надо было заранее покупать, а я вот запамятовала. Вот горюшко-то... и что теперь делать – не знаю...

– Римма Марковна, я завтра с работы буду идти, забегу и куплю вам яйца, – попыталась успокоить и приободрить старушку я, – ну, не хотите котлет, я могу макарешек пофлотски организовать. Или гречку с подливой.

– Какая гречка! – рассердилась вдруг Римма Марковна, – При чем здесь гречка?! Ты что, совсем забыла? Пасха завтра. Я хочу ночью тихонько на службу сходить, мне тут шепну-

ли, где служба будет, посвятить крашенки надо бы. Кулича только нет, испечь не вышло – там Клавдия бдит, сразу стукнет куда надо, а вот крашенок можно было бы и покрасить. Тем более у тебя плитка в комнате, никто не увидит. Но яиц забыла купить... дура старая...

У меня в голове сразу щелкнуло: и странный взгляд продащицы, и завтрашний субботник в воскресенье, и отсутствие яиц в магазинах.

– Римма Марковна, вроде в холодильнике одно или два осталось, – неуверенно предположила я, – надо глянуть.

– Глянь, Лидочка, – воодушевилась Римма Марковна, – даже если хоть одно, уже лучше.

– Ага.

– Только смотри, чтоб Клавдия не увидела, – в спину напутствовала меня соседка.

Я прошла на кухню. Там, кроме апатично ковыряющегося в консервной банке чуть поддатого Петрова, больше никого не было.

– Привет, Лида, – вяло отсалютовал вилкой с наколотым кусочком азовского бычка Петров.

– Привет, Фёдор, – кивнула соседу я. – Приятного аппетита.

– Да какой там аппетит, – жуя, пожаловался Петров, тщетно пытаюсь выудить из банки остатки рыбы. – Пенсия через три дня, а я давно на мели. Слышь, Лидка, одолжи пятишку

до десятого?

– Пить меньше надо, – на кухню крейсером вплыла Клавдия Брониславовна и брезгливо уставилась на Петрова, который допивал остатки томатного соуса из банки. – Алкоголизм в вашем возрасте, милейший, – враг разума!

– Знаем-знаем, – хихикнул Петров, вытирая томатные усы, точнее растирая их по щетинистому подбородку. – Друг водки – враг профсоюза! Напился, ругался, сломал деревцо, стыдно смотреть людям в лицо!

– Вы бы поменьше ёрничали, товарищ, – побагровела Клавдия Брониславовна. – Я вот участковому сообщу, как вы вчера с собутыльниками нарушали общественный порядок.

– Когда это мы нарушали?! – удивился Петров, через всю кухню запуливая банку в мусорное ведро.

– Вчера! С утра!

– Да что мы делали такого?! – вытаращился Федя, при этом рука его дрогнула, траектория полета нарушилась и банка усвистала мимо, щедро украсив томатными брызгами стенку и пол.

– А кто песни орал на всю квартиру?! – уперла руки в бока Клавдия Брониславовна.

– Не орал, а пел, – наставительно поправил ее Петров, задумчиво рассматривая испачканные томатным соусом ручки. – Мы пели днем, и в моей личной комнате. Имею право предаваться искусству!

– Теперь это так называется? – закатила глаза Клавдия Брониславовна.

– Эх, тёмная вы женщина, – попенял Петров, вытирая руки об занавеску на окне. – Ничего-то вы не понимаете в советских песнях!

От такого явно несправедливого заявления Клавдия Брониславовна на секунду опешила, чем и воспользовался Петров, отодвинул ее в сторону, и вышел из кухни.

– Хулиганье! – отмерев, взвизгнула та.

– Рюмка, стопочка, стакан – вот и вышел хулиган! – дурашливо бляя пропел Петров из коридора.

– Ну, ты глянь, – всплеснула руками Клавдия Брониславовна и вдруг увидела, что я достаю из холодильника последние три яйца.

– А зачем тебе яйца? – поинтересовалась Клавдия Брониславовна, моментально переключившись на меня.

– Маску для лица хочу сделать, – с честным видом ответила я. – С яйцами, глицерином и медом. Улучшает цвет лица и увлажняет кожу.

– Ну да, ну да, – покивала головой Клавдия Брониславовна, – сделай маску, Лидия. Муж бросил, так сделай маску, вдруг поможет мужа вернуть.

– Горшок смотался, зато жив! – вступился за меня Петров, возвращаясь на кухню с надорванной пачкой чая «со слонем». – Лида, чайку бахнуть хошь? Индийский.

– На что ты намекаешь, алкаш!?! – взъярилась Клавдия

Брониславовна.

– Твой Грубьякин сам давно алкаш, довела мужика! – отмахнулся Петров, ставя на плиту чайник. – Сперва своих всех мужей довела, теперь на зятя переключилась.

– Да как ты смеешь, пьянчужка! – раненым бизоном взревела Клавдия Брониславовна, и, под шумок набирающей обороты традиционно-ежевечерней склоки, я по-тихому ретировалась к себе в комнату.

– Вот! – продемонстрировала «улов» Римме Марковне.

– Замечательно! – обрадовалась та и чуть в ладоши не хлопала. – Давай, садись пить чай, Лида, я как раз заварила, а потом покрасим яйца. Ничего, что я тут похозяйничала, пока ты на кухне была?

– Да нормально, – отмахнулась я.

– А что там было, на кухне? – заинтересовалась соседка. – Чего это наша мегера опять пенится?

Я рассказала, как Петров троллил Клавдию Брониславовну, мы посмеялись.

– Я вот не понимаю, почему Клавдия Брониславовна, которая постоянно ищет к чему прицепиться, а тут даже замечание Петрову не сделала, когда он всю кухню томатом забрызгал? – удивлялась я. – Даже когда руки об шторы вытирал – и то промолчала. Как так?

– Все просто, – вздохнула Римма Марковна, – знает, зараза, что эту неделю я дежурю, потому и промолчала. Зато,

когда принимать дежурство у меня будет – мигом и шторы вспомнит, и стены увидит. Хорошо, что ты мне рассказала, я-то уже плохо вижу, могу пропустить, а Клавдия опять все нервы вымотает.

А потом мы начали красить яйца. Чтобы не спалиться перед бдительными соседями, луковую шелуху брать поостереглись, воспользовались пищевым красителем.

Римма Марковна забрала крашенки и мой кекс, обещала всё посвятить и рано утром принести. Мне тоже хотелось пойти на богослужение, в той, прошлой, жизни, я особо верующей не была, но пасхальные службы не пропускала никогда. Но соседка категорически запретила:

– Что ты, Лида, – замахала она руками, – Я уже старая, никому до меня дела нет. А ты молодая, вся жизнь впереди, не дай бог узнают – неприятностей не оберешься. Зачем тебе это надо! Даже не думай!

Когда за соседкой закрылась дверь, я вытащила из шкафа спортивный костюм Горшкова, закинула в сумку мыло. Ну, что ж, завтра пасхально-воскресный субботник.

Глава 5

Субботник встретил лошадиным духом спешки, бестолковой суеты и запахами прелого чернозема. Громкий перестук молотков смешивался с хохотом девушек из восьмой бригады и сердитыми криками из гаража. Динамик на столбе пару раз чихнул, захрипел и вдруг бравурно выдал марш монтажников. Восторженно проинформировав, что «не коچهгары мы, не плотниии...вжиш...», он сразу же запнулся и тихо сгинул, растворившись среди бряцанья инвентаря и треска из третьего вагонного участка.

На стене гаража призывно рдел транспарант с выведенными жирно буквами:

ТОВАРИЩИ!

Возьмем лопаты и метлы в ручищи, сделаем депо «Моно-рельс» чище!

Трудящийся народ активно расхватывал лопаты, веерные грабли и садовые пилы. Под транспарантом на кривеньком чурбачке сидел Михалыч и мерно клепал косу. Два парня в синих комбинезонах прикатили тачки с метлами, и к ним сразу же устремился поток блюстителей чистоты. Тетя Фрося придирчиво перебирала лохматые щетки и кисти для побелки. Наконец, вытащив из кучки нужную, она ухватила за-

ляпанное известью ведро и, переваливаясь уткой, заковыляла к ближайшим деревьям. За ней по земле потянулась белая известковая дорожка. Над всем этим беспокойным муравейником карающей десницей бдела Щука. На белом рукаве красовалась алая повязка. К груди она бережно прижимала брезентовую папку. Узрев меня, моментально двинулась навстречу.

– Горшкова!

Я послушно застыла, вперив взгляд в «любимую» начальницу.

– Опоздание на двадцать минут! – с довольным видом сообщила Щука и раскрыла папку. – Исключение из списка на поощрение к Первомаю.

– Но сейчас без десяти девять, – я указала на настенные часы, – наоборот, я даже раньше пришла.

– Я еще позавчера всем сказала прийти в полдевятого. Все пришли вовремя. Кроме Горшковой, естественно.

– Капитолина Сидоровна, позавчера я была в отгуле. Мне никто ничего не говорил!

– Ну, так на работу ходить нужно, – пожала плечами Щука. – Я что, обязана бегать по домам сотрудников и уговаривать их приходиться вовремя на работу?

Насладившись произведенным эффектом, и не дав мне ответить, она добавила контрольный:

– Иди работай, Горшкова. Твой участок вон там, – она указала на заросший плотным кустарником овраг в конце

двора. – Специально для тебя выбирала. И чтоб ты знала...

«...трепал нам кудри ветер высоты и целовали облака слег...вжиш...вжиш...» – внезапно проверещал динамик и опять заткнулся на полуслове. Поэтому концовки начальницы я не расслышала, а она уже удалялась. Я оглянулась: и кто бы сомневался, что мой участок будет самым-самым.

Овраг был глубок словно расселина меж литосферных плит или лунный кратер. Так, во всяком случае, мне показалось. Наш склон (со стороны депо), который предстояло убирать именно мне, сплошняком зарос шиповником, можжевельником и еще какой-то дрянью, донельзя острой и колючей. Моих познаний во всей этой грёбанной ботанике хватало лишь на то, чтобы достоверно отличить кактус от березы. Вроде еще и ежевика росла. Или не ежевика, но тоже что-то противное.

Окончательно пав духом, тем не менее я подхватила грабли и уныло двинулась осваивать вверенный фронт работ. Уже через несколько минут все руки были в царапинах, в волосах запутался можжевело-ежевичный гербарий, а практически новые спортивные штаны Горшкова, которые я с превеликим трудом натянула на лидочкину задницу, обзавелись затяжками, пятнами и большой дыркой на коленке.

Заросли густо благоухали пылью, затхлою полынью и собачьими экскрементами. Чихнув, я дернулась и с размаху зацепилась граблями за особо толстую стелющуюся ветку, чуть не навернувшись со всей дури в овраг. В последний момент

ухватилась за шершавый побег и устояла, зато занозила себе ладонь и содрала кожу на пальце.

Нет, трудовая повинность – явно не мое.

Еле-еле я выдернула грабли из колючего плена, и дую на ссадины, чуть не заплакала: здесь, чтобы привести все в порядок, нужна как минимум рота солдат. А я одна, и уже куча увечий и потеря. Погрустив немножко, я решила перейти сперва на дальний конец, вроде там не такие дебри, а потом чуть приноровлюсь и вернусь обратно.

Дальние кусты шевелились, и оттуда доносились звуки.

Осторожно я подкралась и заглянула: в кустах выпивали мужики. Уютно расположившись на небольшом выступе, они неспешно вели беседу. Рядом лежал наваленный в кучу инвентарь.

– А я ей говорю, женится на тебе не буду, а вот вечером приходи... – в этот момент ветка под моей ногой хрустнула, и веснушчатый парень в мятой кепке чуть не подскочил. – Кто там лазит?

– Извините, – пришлось показаться. – Я здесь убираю. Это мой участок.

– О! Лида! – заулыбались мужики. – Ты что, одна тут работаешь?

– Да вот... Шука сказала, – вздохнула я, втайне надеясь, что мужики мне помогут, – участок огромный, сил уже нет, а работы непочатый край...

– Ты чё такая наивная, Лидка? – удивился веснушчатый

и налил в граненый стакан портвейна. – Клопомор будешь?

Я отрицательно замотала головой. Не дай бог Щука унюхает.

– С Горшковым живешь, а до сих пор простая как три копейки, – хохотнул второй, в линялой куртке с крупными заплатками на рукавах.

– Ох и святая простота! Ну, твое здоровье! – веснушчатый выпил, занюхал рукавом и передал стакан третьему, усатому мужичку средних лет. – Держи, Иваныч.

Пока Иваныч деловито наливал, веснушчатый благодушно продолжил:

– Лидуха, тебе разве больше всех надо? Ну, вот смотри, как все нормальные люди работают – спокойно, умеренно, жилы никто, кроме тебя, не рвет.

– Здесь главное, Лидия, – Иваныч залпом хлопнул стакан и принялся меня просвещать. – Главное быть на виду. Чтобы начальство, значит, рвение твое видело. Иначе не оценит и будет считать бездельником. А бездельников и дармоедов начальство что? Правильно – не любит. Ибо безделье есть враг советского человека. Как говорит народная мудрость, тунеядцы – наши враги, хлеб трудовой от них береги...

«Нам песня жить и любить помогает!» – хрипло подтвердил динамик.

– Смотри вот, как мы сейчас сделаем, и так же делай, – усмехнулся второй, набулькал себе полстакана, немножко подумал и долил еще. – Ну, за Пасху что ли! Давайте, ребя,

пора в бой. Один кружок щя поперед Шуки прошвырнемся и опять по стаканчику бахнем. А ты смотри, Лида.

– Да, учись, как мы будем, – кивнул напоследок Иваныч.

– Мы бутылку тут в кустах оставим, если что – головой отвечаешь, – притворно-сурово нахмурил рыжие брови веснушчатый и погрозил мне пальцем. – Главное, Лидка, всё не выпей.

Он хохотнул, сграбастал огромный моток шланга, водрузил его на плечо и понес куда-то мимо Шуки. Иваныч и второй подхватили длиннющую лестницу и устремились вслед за ним под аккомпанемент из динамика «...и тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет!».

– Поберегись! – прокричал веснушчатый, вбуриваясь в толпу.

– Осторожнее! – подхватил Иваныч, – Заворачивай ее, Сева! да направо заворачивай, я тебе говорю!

– Куда направо! Куда?! – заорал второй. – Иваныч! Налево! Налево заноси!

Мужики дружно подняли трудовой гвалт, «...тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою!» вторил им динамик, Шука одобрительно взирала со своего пьедестала, а я ухватилась за грабли и снова полезла под очередной куст.

Кажется, я научилась: ветви уже не так часто цеплялись за грабли, удалось очистить довольно большой участок. Тщательно выгребая прошлогоднюю листву из-под чахлого куста

сирени, я подцепила какой-то предмет. Подтянув его поближе, чтобы бросить в общую кучу мусора, вдруг обнаружила, что это не что иное, как бумажник. Старое потрепанное портмоне из дерматина. Которое пролежало тут так давно, что на нем намертво нацементировался слой глины и грязи. Я торопливо, пока не вернулись мужики, развернула бумажник – внутри лежало несколько мятых влажноватых червонцев. Вполне хватит, чтобы отдать Тоне за обувь. Хотя такие грязные как-то и отдавать неловко. Придется, видимо, сперва обменять в сберкассе.

Подошло обеденное время, народ начал рассасываться, Иваныч, Сева и веснушчатый вернулись «на пост» в кустах допивать клопомор, а я устремилась в свой кабинет.

После душных и вонючих зарослей пропитанный запахами старых бумаг кабинет противным уже не казался. Я плюхнулась на жалобно скрипнувший под лидочкиными телесами стул и с удовольствием вытянула гудевшие ноги.

Устала с непривычки.

Поэтому на обед решила не ходить, с собой был бутерброд с подтаявшим кусочком сливочного масла (настоящего, без химии), вскипячу чаю, благо что маленький кипятильничек у Лидочки есть, и будет мне счастье. Насколько я поняла, субботник быстро не закончится, придется убить весь день на проклятые заросли.

Мои мысли прервал скрип двери, в которую тут же про-

сочилась Тоня. Вид лидочкина подруга имела донельзя смущенный.

Уже предощущая, что к чему, я молча смотрела на нее. Потомившись пару минут, она, наконец, выдавила:

– Лид, ты только не обижайся...

– Не буду, – кивнула я. – Говори.

– Тут такое дело... – продолжала маяться Тоня. – Как бы это сказать...

– Так и говори, – посоветовала я. – Прямо.

– Понимаешь, – тонины уши предательски заалели. – В общем, пятнадцать рублей за скрабовое мыло девочкам дорого. Они сперва прям сильно хотели, а потом Валя сказала, что это дорого и все согласились. Наташка так вообще предлагает за три...

– Без проблем, – пожалала я плечами, хотя было неприятно. – Раз дорого, пусть моются «Земляничным». Каждому свое.

– А, может, ты по три продашь? – с надеждой спросила Тоня. – Мыло-то всем понравилось.

– Нет, – покачала головой я.

– Почему нет? – не сдавалась Тоня. – У тебя его много, ты все равно все не используешь. А срок годности закончится и всё.

– Да мне как-то фиолетово, – хмыкнула я. – Тоня, это эксклюзивное импортное мыло ручной работы. И цена на него соответствующая. Это не мыльно-рыльный товар широкого

потребления. За комфорт нужно платить. И всегда очень дорого.

– Но ты же за такие деньги не продашь, – Тоня предприняла еще одну попытку убедить меня, но я уперлась. – А так по три рубля девятнадцать кусков. Получается пятьдесят семь.

– А если по пятнадцать, то будет двести восемьдесят пять, – хмыкнула я, – двести двадцать восемь рублей разница! И они на дороге не валяются. Поэтому дарить их девочкам я не собираюсь. Лучше я все это мыло в унитаз спущу, чем буду раздавать надурняк. У меня не богадельня, в конце концов!

– Лида, но за эти деньги можно французские духи купить! А это всего лишь мыло! Пусть и скрабовое, но просто мыло!

– Согласна, – пожала плечами я. – Пусть покупают французские духи и моются ими.

– Ну смотри, – вздохнула Тоня. – Жаль, конечно. Девчонки расстроятся, ужас прямо.

– Да мне как-то без разницы. – Я встала и сунула кипяtilьник в чашку с водой. – Ты чай будешь?

– Да нет, пойду я, – покачала головой вконец расстроенная Тоня. – Надо девочкам сказать. Но ты, если вдруг передумаешь – говори сразу. По три так сразу все купят.

– Нет, Тоня, не передумаю, – я осторожно вытащила раскаленный кипяtilьник и бросила щепотку «слона» в чашку. Ответом мне была хлопнувшая дверь.

Да уж, понимаю, что Тоня хотела как лучше, но осадочек

остался.

Ну что ж, я сама виновата. Не учла целевую аудиторию. В депо «Монорельс» работают обычные советские труженицы, для которых в приоритете накормить семью, обставить квартиру и, если повезет, поехать отдохнуть куда-нибудь типа в Крым. На всякие «ништяки» денег жалко. Это вполне естественно, ведь зарплаты не резиновые. Да и эпоха потребления брендов и понтов еще не наступила.

Так что придется либо искать другую целевую аудиторию, что при лидочкиной работе и круге общения уж очень маловероятно, либо искать другой источник дохода. И почему-то я склоняюсь ко второй версии.

Я уже доедала бутерброд, когда в кабинет вошла женщина в синей вязаной кофте. По фото на стенде я вспомнила, что дама работает в бухгалтерии и зовут ее Валентина Акимовна. Ну, примерно так. То есть очевидно это и есть та самая «Валя», которая сбила мне цену.

Пока я размышляла, дама ринулась в атаку:

– Лида, – растянула она в приторной улыбке тонкие губы с растекшейся дешевой бордовой помадой. – Говорят, ты мыльце продаешь.

– Кто говорит? – внимательно посмотрела на нее я.

– Ну... – чуть смутилась Валентина Акимовна, – ходят слухи...

– Слухам верить нельзя, – заявила я и долила воды в чашку. – Как правило, слухи врут. Я так понимаю, вы по штат-

ному пришли? На шестой вагоноремонтный? Так мы же на понедельник договорились. Я как раз всё подготовила, осталось разложить по папкам. Завтра утром отдам.

– Да нет, – узкий лобик, тщательно отретушированный тональным кремом «Балет», пошел морщинами и ретушь чуть растрескалась. – Я точно знаю, что это ты продаешь мыло, Лида. И продаешь его дорого. Ты знаешь, что наживаться на товарищах некрасиво! Поэтому я по-хорошему предлагаю, продай за три. Ну, в крайнем случае – за четыре продай всем, а мне – за три.

Выдав это рацпредложение, она умолкла и выжидательно уставилась на меня.

– Валентина Акимовна, – изобразила недоумение я. – Вы это о чем сейчас? Если не по штатному, то ничем больше помочь не могу. Уж извините. Обед скоро заканчивается, я бы еще чаю хотела успеть попить.

– Вот значит, как, – измазанный помадой рот превратился в куриную гузку. – Зря ты это, Горшкова. Очень зря.

Я преувеличенно громко отхлебнула чаю и пододвинула к себе стопочку документов.

– Ты пожалеешь, – прошипела Валентина Акимовна и коралловые бусы обиженно звякнули о стеклярусную чешскую брошь, – Я тебе это обещаю.

Я пожала плечами и уставилась в бумаги.

Валентина Акимовна еще потопталась у двери, но, видя, что я не реагирую, вышла вон, оставив напоследок вонючее

облачко сладковато-гвоздичных духов.

Фух! Мда-а-а, что тут можно сказать – умею я наживать врагов на ровном месте! И Тонька тоже еще. Сама с этим мылом прицепилась, как репей, продай мол, начальнице на подарок надо, и девочки просят, а потом мало того, что цену сбить хотела, так еще и меня с потрохами сдала. Отсюда главный вывод: на работе ничего больше такого. Народ здесь лучезарно-приветливый, да только с виду. Впрочем, среди людей так повелось еще от Авеля и Каина. Хотя жалко, я-то думала, что у Лидочки хоть Тоня подруга. А оно вон как.

Немного посокрушавшись, я вышла на свой участок. Ежевичные заросли угрожающе щерились шипами. Я окинула взглядом оставшийся кусок и поняла, что не осилю. Из дальних кустов доносился возвышенно-философский спор на тему «ты меня уважаешь», органически вплетаясь в какую-то унылую симфоническую музыку, которой щедро одаривал нас динамик. А мне снова предстояло лезть в колючки, «через тернии к звездам», так сказать...

Ухватив покрепче грабли, я уже почти отважилась приступить к работе, как сзади раздалось деликатное покашливание.

Передо мной стоял интеллигентного вида человек при галстукe, в голубой рубашке и роговых очках на длинном носу. Впечатление портили лиловые подтяжки, которые он постоянно мял и теребил.

– Лидия Степановна, – вежливо проблеял очкарик (голос у него оказался неожиданно тонким). – Скажите, пожалуйста, а Валерий Анатольевич на меня сильно ругается?

«Хм, знать бы еще кто ты такой, мил человек», – подумала я, – «а также, куда девался не к ночи упомянутый Валерий Анатольевич...». Но вслух дипломатично ответила:

– Ну, вы же сами знаете, какой Горшков...

– Да-аа-а, – вздохнул очкарик и от избытка чувств так дернул подтяжку, что она смачно шлепнула его по впалой груди. Очкарик жалобно ойкнул и подскочил.

Я изобразила сочувствие и ждала, чем все это закончится.

– Лидия Степановна! – приложил руки к груди очкарик, – я вас очень прошу! Нет, я вас умоляю! Передайте, пожалуйста Валерию Анатольевичу вот пока это, – очкарик сконфуженно протянул мне небольшой сверток и горячо зашептал:

– Здесь триста рублей. Пересчитайте, пожалуйста. Остальные я отдам через полтора-два месяца. Я обязательно всё отдам. Клянусь!

– Да я-то вам верю, верю, – похлопала очкарика по плечу я, забирая деньги. – Но что подумает Горшков. Ну, вы же понимаете...

– Лидия Степановна! – чуть не подпрыгнул очкарик и так рванул подтяжку, что она чуть не оторвалась, – Прошу вас, заступитесь перед супругом! Вы же знаете, Линьков никогда слово не нарушает! Да! Не нарушает! Я лишь прошу подождать.

Очкарик еще что-то взволнованно вещал, клялся и бо-жился, что все будет хорошо и Линьков не такой. Я так поняла, это он отдал Горшкову то ли долг, то ли взнос. Знать бы еще, что лидочкин супруг с этим буратиной на подтяжках мутит. Но в любом случае, это особого значения не имеет. И денег этих Горшкову не видать.

Я сунула сверток в карман и мстительно ухмыльнулась. Очкарик, истолковав мою улыбку как жест толерантности и безусловной поддержки, еще немного посотрясал воздух и, наконец, ретировался. А я бросила грабли, схватила какой-то кусок шланга из кучи мусора и, водрузив его на плечо для производственной конспирации (как учил меня Иваныч), пошла искать Тоню.

Сперва нужно вернуть деньги за лоферы...

А вот дома меня уже ждали.

В комнате за столом сидели Горшков с мамашей и пили чай.

Мадам Горшкова, и по совместительству лидочкина свекровь, была неожиданно видной розовощекой дамой с решительно сдвинутыми бровями. Следы былой красоты не могли испортить даже крашенные хной химические завитушки, ни чрезмерно-голубые тени на веках.

В комнате царил форменный разгром: вся мебель сдвинута, какие-то чемоданы, коробочки и узлы заполняли почти все и так небольшое пространство. Горшков, бледный и рас-

терьянный, смотрел куда-то перед собой остолбенелым взглядом. Когда я вошла, он уронил ложку.

– О! Гость в дом – хозяевам радость! – гостеприимно воскликнула я и обозначила улыбку. – Добрый вечер, добрый вечер, гости дорогие!

– Лидия, не фиглярствуй, – поморщилась свекровь. – У нас к тебе серьезный разговор.

– Как неожиданно! – всплеснула я руками, – Представьте себе, у меня к вам тоже.

– Лидия, твое поведение крайне возмутительно, – проигнорировала мои слова свекровь. – Ты как себя с мужем ведешь?! Ты что это себе позволяешь таким тоном разговаривать?! Да еще на глазах у соседей. Что люди скажут?! Ты что, хочешь всю карьеру Валерию сломать? Он кандидат в члены партии, а ты, ничтожество, тут такие скандалы устраиваешь!

Я аж опешила от такого напора.

– Что, Лидия, забыла уже, как мы тебя от дурдома спасли! Одели, обули! На работу устроили! А ты? Вся твоя благодарность – в подлости! Мерзость какая! Пригрели змеюку на груди!

Я поперхнулась воздухом.

– У Валерия слабый желудок, ты же знаешь! – продолжала распинаться свекровь. – А ты за его питанием совсем не следишь! Рубашки и те выгладить нормально не можешь! Руки из жопы! Да что ты за хозяйка такая! Он тебя, перестарка, из жалости замуж взял, а то так бы и сидела навечно в старых

девах людям на смех! А ты?! Чем ты отплатила за все?!
А?! Ответчай!

Услышав про дурдом, я основательно зависла.

Видя, что Лидочка не собирается отвечать, свекровь взвизгнула:

– Валерий! Ты чего молчишь?!

Горшков отмер и вякнул нечто невразумительное.

– В общем так, Лидия! – решительно хлопнула по столу свекровь. – Нужно спасти ситуацию. Я проживу тут пока с вами, помогу тебе, подскажу, по-женски. Мы же родичи, должны мириться.

– Как тут? – вытаращилась я. – Где тут?

– Да, тут, – величественным кивком подтвердила свекровь. – У вас тут.

– А спать вы где будете? – я даже не могла удивляться. – У нас всего одна кровать. Втроем ляжем? Будете нам подсказывать в нужных моментах? Или как?

– Нет, ну ты посмотри! – всплеснула руками мамашка Горшкова. – Лидия, ты как со старшими разговариваешь?! Кто тебе позволил таким тоном с матерью своего супруга говорить?

– Вы на вопрос не ответили, мать моего супруга.

– Ляжешь на раскладушке пока, Валерий поспит сегодня на полу, а завтра ему диван привезут. А я на кровати лягу.

– Прекрасно, – растянула губы в улыбку я. – Вы просто прекрасно все распланировали. Вот только со мной согласо-

вать почему-то забыли. Или же не сочли нужным. Так я на- помню: вообще-то я здесь хозяйка. И как хозяйка заявляю – жить будете у себя, дорогая мама.

– О нет! – прошипела свекровушка. – Никакая ты здесь не хозяйка, Лидия. Комната принадлежит Валерию. Ты здесь даже не прописана. Так что мой сын будет решать, кого пус- кать жить, а кого – нет.

– Чудесно, – кивнула я. – Насколько я понимаю, я пропи- сана на Ворошилова. Но квартиру почему-то заняла некая Оличка Горшкова. Мою квартиру. Которую именно мне за- вешала тетя. Вот туда я и пойду сейчас жить.

– Да ты посмотри не нее! – сорвалась свекровь. – Ироди- ще какое! Готова ребенка на улицу выгнать, лишь бы самой хорошо было. И ты там не прописана! Ты в общежитии Стройма- шевской прописана, забыла? И это я договаривалась о твоей прописке по своим связям!

– Кстати о ребенке, – я уже прикидывала, как буду от- воевывать квартиру, – нужно не забыть завтра с утра орга- ны опеки оповестить, что за ребенком никто не следит, в квартире антисанитария, Оличка водит мужиков, подозре- ваю, что женатых, ведет антисоциальный образ жизни. Со- седи с радостью все подтвердят.

– Да какое твое дело, мразь! – взревела свекровь. – Своих детей нет, так ты на чужих бросаешься!

– И, кстати, Оличка и Светочка Горшковы, они тебе ка- ким боком родичи, Валера? – супруг вздрогнул и впервые

посмотрел на меня долгим взглядом. По мере разглядывания Лидочки уши, лоб и щеки у него все больше и больше краснели и, наконец, приобрели ярко-бордовый цвет.

Я даже испугалась, что у него сейчас инсульт случится. Но не случился. Вместо этого, Валерий вдруг психанул:

– Это же мой костюм! Мама, вы это видите? Она одела мой костюм!

– Да погоди ты с костюмом, Валера! – отмахнулась све-
кровь, – давай сперва с квартирой разберемся!

– Мама! – не унимался супруг, – Вы не понимаете! Она же испортила мой костюм! Финский, между прочим. Я его из Ленинграда привез...

– Заткнись! – синхронно со свекровью гаркнули мы на Горшкова.

От неожиданности все опешили и на миг воцарилась тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.